

Золотой рубин

Глава первая

Его Превосходительство возвращается домой

Сто лет тому назад, да еще и с гаком, по дороге из города Брянска в село Дятьково поздним зимним вечером мчалась тройка могучих коней, запряженных в широкие розвальни, с каретой на них. Тройкой правил лихой кучер, кони неслись во весь дух, а в карете сидело двое: пожилой мужчина, в накинутах на широкие плечи дорогой шубе на соболях, с пышными, начинающими уже сесть бакенбардами, с орлиным взглядом больших, слегка выпуклых серых глаз, и почти такого же возраста человек явно нерусского облика и в заграничном платье. Это возвращался из чужих краев знаменитый заводчик, генерал-майор в отставке Сергей Иванович Мальцев, возвращался в свою резиденцию, в село Дятьково. А ехал с ним немец из Богемии, стекловар Генрих Иоганн Шульц, которого генерал законтрактовал на один год на свою хрустальную фабрику. У его превосходительства в Дятькове есть и свои хорошие стекловары, умеющие варить любое стекло, но за границей сейчас появилась новинка: там научились варить золотой рубин — стекло редкой красоты, красителем которого является золото. Генрих Иоганн Шульц — один из немногих мастеров, кто знает секрет производства золотого рубина. Слов нет, рубины все хороши: и медный, и селеновый. Их знатно варят у генерала на его Дятьковской фабрике. Но раз появился новый сорт, лучший, то почему бы и его не изготавливать в Дятькове? Тем более, что это сулит немалые прибыли. Его превосходительство никогда не гнушался новинками, чьего бы они ни были происхождения, лишь бы это не было в ущерб его карману. Он и прежде нанимал к себе на работу иностранных мастеров и техников, у него они и теперь работают — немцы, бельгийцы, поляки, даже англичане есть. Почему бы и этому Жульцу, как уже успел переименовать генерал немца, не поработать у него? Правда, мастер влетит ему в копеечку, ну да и прибыль золотой рубин принесет немалую.

Генералу долго пришлось уговаривать Шульца, прежде чем он согласился покинуть свою родную Богемию, дом и семью и поехать в «медвежью» страну, в страну холода и рабства — Россию, про которую он наслышался разных ужасов. Но жадность к деньгам все пересилила. Ведь в России он может накопить за год столько талеров; сколько ему в Богемии не накопить и за пять лет! И вот он едет. Будь что будет. Один год не вечность, как-нибудь перемучается этот год.

За окнами кареты крепкий мороз, градусов за тридцать, а в карете уют и тепло — ведь она обита внутри бархатом.

Генерал дремлет. Но иногда вдруг откроет глаза, посмотрит пронзительно на немца и усмехнется чему-то своему. А Шульц все время посматривает то в одно окошко кареты, то в другое, и в глазах его страх и ужас. Лес, лес дремучий по обе стороны дороги, вековые сосны, ели, дубы и ясени, березы и ольхи, и всё в снегу. Шульцу чудится, что то там, то тут, совсем близко от дороги, сверкают зеленоватыми огнями волчьих глаза, а иногда ему кажется даже, что из-под мохнатой, заснеженной ели лезет огромный медведь.

— О мой бог! Зачем я поехал сюда, в этот проклятый Русланд? — шепчет он.

— И что ты там все время бормочешь себе под нос, хотел бы я знать? — говорит ему Мальцев. — Подремал бы маленько, дурья голова. Ведь Дятьково еще далеко, часа три ехать.

— Майн генераль, я боялся волки, медведь и дикий кошка, — отвечает ему Шульц.

— Вот и чепуха! Чего они нам могут сделать, когда у меня вон пушки какие, — показал генерал на пистолеты, торчавшие за ремнями на стенках кареты.

А потом усмехнулся и шутки ради решил еще немножко нагнать страху на немца:

— Ну, а уж если, не ровен час, какой косолапый и вломится в карету к нам, а я не успею укокошить его и он слегка помнет тебе бока и почешет спину, беды большой не будет. Заживет. От этого у нас не умирают, все выживают, выживешь и ты.

— Но мой не желайт косолапый мой бока мять, мой спина чесать! — ужасается Шульц.

— Мало бы чего ты не желал, а у него, косолапого-то, нрав таков. А медведей этих у нас порядком.

— Зачем я ехал сюда! — шепчет в страхе Шульц.

— Как это — зачем? Деньгу зашибить большую — вот зачем. Да ты успокойся. Вот приедешь ко мне, отведем тебе апартаменты, и живи-поживай! Сходил на фабрику, сделал свое дело — и домой, на боковую. В Дятькове медведи по улицам не ходят. Волки, правда, иногда по ночам заглядывают. А вот бешеных собак остерегайся, вечерами у своих камрадов — у меня там много есть ваших — долго не засиживайся, потому что бешеные собаки больше по вечерам шатаются и подлетают к тебе без всякого

бреху. Тяп — и мимо проскочила! А ты потом поезжай в Смоленск на уколы, если сам взбеситься не хочешь. У нас редкая зима без бешеных собак обходится. То свои взбесятся, то со стороны набегут. Так что имей осторожку.

Генерал, конечно, подсмеивался над Шульцем, а тому было не до шуток. Шульц все принимал за чистую монету, тем более что по лицу генерала никак нельзя было понять, что все это он говорит потехи ради.

— Зачем я ехал сюда? — повторял Шульц в который уже раз.

В Любохне, третьем по величине владении Мальцева — второе было Людиново, — переменяли лошадей, впрягли новую тройку, и генеральская карета снова помчалась в ночи.

И опять по обе стороны лес и лес. Свежие кони неслись словно вихрь, — генерал любил быструю езду. Наконец замелькали огоньки Дятькова; тройка понеслась по улицам села.

Вот и фабрика, она работает и ночью; вот и поворот на главную липовую аллею; вот и дворец генерала.

Дворец генерала был обычный дворянский особняк, каких в то время было немало на Руси: большой двухэтажный дом с бельведером и зимним садом, с колоннами и крыла-ми из флигелей. Дом был из тесаного дуба, обшитый тесом и выкрашенный в серо-голубой цвет, крылья флигеля — каменные.

Дворец сиял огнями — хозяина ждали.

Кучер лихо подал тройку к главному подъезду дворца, у которого уже толпилась челядь. Швейцар с низким поклоном открыл дверцу кареты:

— С приездом, ваше превосходительство!

Мальцев начал выбираться из кареты, швейцар ему помогал. А Шульц сидел неподвижно. Он, утомленный дорогой и измученный страхами, заснул наконец перед самым Дятьковым. Мальцев только теперь углядел, что его спутник спит.

Он начал расталкивать немца:

— Эй, ты! Гендрик! Вставай, брат, вставай, приехали, потом выспишься.

Шульц очнулся. И сначала никак не смог уразуметь, что с ним и где он.

— Ну вылезай же, вылезай, чего упираешься! — усмехается Мальцев. — На место приехали, в хижину мою дятьковскую.

— Хижин? Вас ист дас «хижин»?

— Ну хаус по-вашему, какой же ты бестолковый! Скорей идем! Сейчас мы с тобой с дорожки сначала умоемся — и за стол. Поужинаем чем бог послал, по рюмашечке-другой пропустим. Водочка у меня своя, и знатная!

— Вас ист дас «водочка»?

— А потом увидишь, что это такое. Уж не сравнить с вашим шнапсом! Какхватишь стакашечку, так у тебя и глаза на лоб, — отвечает ему Мальцев.

— А! Шнапс? Гут! — оживился Шульц, и сон его мигом прошел. Он поспешно начал вылезать из кареты, таща свои чемоданы.

— Да оставь ты их в покое, без тебя тут все уберут и поставят куда следует. Пошли, пошли!

И только генерал, а за ним и Шульц перешагнули порог огромного вестибюля, как грянул хор певчих, приветствуя своего повелителя специальным для такого случая песнопением.

Мальцев был большой любитель хорового пения, особенно церковного. У него в главных церквях его — Дятьковской, Аюдиновской и Любохонской - были прекрасные хоры. Помимо этого, у него был хор и при дворце, в котором певчие совершенствовались под наблюдением самого генерала. Из этого хора потом выходили конторщики, счетоводы, заведующие магазинами. А иные певчие и более высокие должности занимали, лишь бы их голоса понравились хозяину. Ну конечно, при этом полагалось, чтоб и голова у певуна была не пустая.

Генерал здоровается с челядью. Одни только издали низко ему кланяются, ближе подходить им не положено, другие к ручке подходят, а некоторым генерал сам руку подает — это тем, кто у него в больших чинах: управляющим, бухгалтерам, заведующим разными отделами. Первый, кому генерал подает руку, был главный управляющий всеми заводами, купец первой гильдии Сиротин. Конечно, Сиротин, несмотря на свою первую гильдию, в фабричных и заводских делах мало что понимает, но зато в торговом деле он, как говорится, собаку съел. В купле-продаже, в налаживании сбыта это такой дока, равного которому, пожалуй, во всей матушке-России не найти. Вот за этот-то талант и платит ему генерал баснословное жалованье — тридцать тысяч в год. Ведь для фабриканта, особенно такого, как Мальцев, нет худшей беды, чем залеживание продукции: сразу наступает затор во всех делах.

Поздоровавшись со всеми, генерал проходит в туалетную принять с дороги ванну, освежиться и переодеться. А Шульца ведут в умывальную, которой пользуется вся челядь.

Потом генерал снова выходит к приближенным своим и шествует с ними в столовую. За стол садятся самые избранные. Шульца также приглашают откусать хлеба-соли за столом хозяина. Как же, все-таки он пока есть гость, да к тому же иностранец, заграничный человек! Пусть потом, когда вернется в свой фатерланд, не говорит, что у генерала его встретили кое-как.

Когда Шульц вошел в генеральскую столовую, когда он глянул на убранный стол, он забыл про все страхи свои. Такого стола Шульц в жизни не видывал.

Стол сверкал хрусталем, ломился от питания и яств. И каких яств! На столе стояли вазы даже со свежими фруктами: персиками и земляникой, апельсинами и грушами, не говоря уж о яблоках разных сортов.

И это в зимнее-то время, когда на дворе такой мороз!

Шульцу показалось, что все это он видит во сне.

— Прошу! — приглашает всех Мальцев. — Садись и ты, Гендрик Иванович, чего стоишь? Садись, брат, садись, отведи свою душеньку, ты за дорогу порастряся, надо полагать, как следует. А уж страхов таких натерпелся, что и не сказать! Садись, брат, садись, подкрепишь как следует.

И все сели за стол, каждый сообразно с чином и должностью.

Сиротин, конечно, по правую руку генерала, как самый главный из всех приглашенных.

Слуги наполнили бокалы шампанским. Сиротин встал с бокалом в руке. Все замерли.

— Господа! — говорит Сиротин. — Как и всегда, первый наш тост, первые бокалы пусть будут за здоровье нашего благодетеля, кормильца-поильца нашего, его превосходительства генерал-майора Сергея Ивановича Мальцева, за его благополучное возвращение в родные края. Многие, многие лета ему жить и здравствовать! Ура!

И опять дворцовый хор певчих гаркнул в десятки голосов на сей раз уже многолетие.

— «Многие лета, многие лета, многие ле-е-е-ета-а-а-а!» И все осушили свои бокалы.

И пир пошел своим чередом...

А на бельведере генеральского дворца уже взвился и трепыхался на морозном ветерке белый флаг. Это означало, что его превосходительство отныне находится во владениях своих и отныне все, кто будет проходить мимо дворца, увидев развевающийся флаг, должны снимать шапки.

И горе тому, кто будет замечен в нарушении этого неписаного закона. Не миновать ему порки на генеральской конюшне...

Глава вторая **«Хрусталь готов, горшки рушать!»**

Был на исходе первый час ночи, когда его превосходительство, закончив пышную трапезу, а после трапезы приватный разговор с управляющим Сиротиным о привезенном мастере немце и о золотом рубине, удалился в свои покои, чтоб отойти ко сну.

А в это время на его хрустальной фабрике, в гутенском цеху, работа кипела вовсю. Ванная печь работает без перерыва. Ее останавливают всего два раза в году, на горячий и холодный ремонт. Горячий длится неделю-две, холодный — месяца полтора. Мастера и их подручные — баночники и вертельщицы — хлопотали каждый над своим делом. Баночники сначала выдували небольшие баночки, стеклянные пузырьки и передавали вертельщицам трубки с баночками. Те вертели их на деревянных подставочках, чтоб они немножко охладились и закрепились на трубке, и передавали их обратно баночникам, брали у них новые. Баночник, в свою очередь, передавал баночку подручному, тот набирал на баночку еще нужное количество стекла и выдувал рюмку, бокал или вазу со стаканом и снова передавал трубку мастеру. Мастер завершал работу, зачищал дно, приделывал ножку, отдавал готовое относчице, и та несла сделанное в печь отжига.

Нет ничего прекраснее, чем гутенский цех ночью, если смотреть на работу мастеров в некотором отдалении от верстаков. Все рабочие окна ванной и горшковых печей сверкают солнцем, изделия из стекла и хрусталя порхают над головами мастеров и их подручных словно разноцветные бабочки, переходят из рук в руки, плывут от ванн и горшковых печей к печам отжига. Мастера, освещаемые пламенем, кажутся сказочными гномами, все их движения ритмичны, слаженны, и тому, кто сам не работал возле печей, кажется, что работа в гуте очень легка и радостна. Тем же, кто там находится, приходится нелегко. Нет более адского труда, чем работа гутенских мастеров.

Терпимей всего мастерам. Они сидят в некотором отдалении от пышущих жаром печей на своих стульях — деревянных кругляшах; отсюда и тогдашнее название бригады — «стул». Им не бывает так жарко, как остальным. Зато уж баночникам, подручным и особенно вертельщицам был пек. Соль от пота покрывала их рубашки на спинах. Они вынуждены были время от времени прерывать работу, бежать к бочкам с водой и бухаться туда в чем только были. Вертельщицы не могли часто отрываться от своей работы: у них всегда в руках были трубки с очередными баночками, и они часто замертво валились от жары со своих стульчаков.

И вот что обидней всего: у подручного впереди была возможность мастером стать, у баночника — подручным, а бедная вертельщица так и оставалась вертельщицей, пока совсем не выбивалась из сил. И только когда она не могла уже больше сидеть на своем месте, ее переводили на другую работу, менее тяжкую. Заработок же у вертельщиц был самый мизерный. Большую долю заработка брал себе мастер. На него одного заводился расчётный лист, он отвечал за все в своем «стуле».

В гутенском цеху, помимо ванной печи, есть две горшковых, которые работали не непрерывно, а периодически. Выработается хрусталь в горшках — засыпают новую шихту. Варка хрусталя в горшковых печах и выработка хрусталя из них занимала в среднем двенадцать часов. Когда хрусталь варился, возле печи находились только стекловар и его ученик-подручный. А когда хрусталь был готов, приходили мастера с подручными, баночниками и вертельщицами и начинали выработку хрусталя из горшков каждый у своего рабочего окна. И уж они не имели права уходить со своих мест, пока не выработают сваренное в горшках.

Стекловар в гуте считался самым первым человеком, особенно на горшковых печах. Ведь от его умения и таланта зависело все: сварил он добрый хрусталь — всем хорошо, запорол горшок — общая беда.

На горшковых печах Дятьковской фабрики оба стеклоvara были мастера своего дела, маги настоящие, и Степан Иванович Понизов и Данила Петрович Грачев. Данила Петрович, пожалуй, даже превосходил по мастерству Степана Ивановича: у него лучше получался в варке самый капризный хрусталь, вернее, стекло желто-канареечного цвета.

Данила Петрович работает на первой горшковой печи, а Степан Иванович — на второй.

У Данилы Петровича учеником и помощником сын Сенька, а у Степана Ивановича — племян Павлушка.

Так уж заведено на заводах его превосходительства: мастера высоких квалификаций должны брать себе в ученики своих близких. Так они лучше и скорее подготовят себе смену, чем тогда, когда они работают с чужими.

Горшковые печи работают поочередно. Когда на одной печи варка заканчивается и стекловар со своим подручным уходят домой, на другой печи варка только начинается.

Сейчас выработку хрусталя заканчивают на своей печи Степан Иванович со своим Павлушкой, Данила Петрович с Сенькой вот-вот должен явиться в цех, чтоб начать новую варку в своих горшках.

Степан Иванович уже не раз посматривал на входную дверь, поджидая друга.

— Должен бы он уже быть, Данила-то, с твоим Сенькою, — говорит он племяншу.

— Вот и они, легки на помине. Появляются Данила Петрович и Сенька.

— Степан Иванычу! — говорит Данила Петрович.

— Данил Петровичу! — отвечает ему Степан Иванович. А Сенька к Павлушке, направляется.

Сенька заспанный,

никак еще не может очухаться со сна. Ведь работа с полуночи самая тяжкая: только разоспишься как следует, а тут — на тебе! — уже и будит отец. И кажется, что ты и не спал совсем. А делать нечего, надо вставать.

Павлушка тоже клевал носом. Ведь двенадцать часов проторчать у печи — дело не шуточное.

Сенька с Павлушкой тоже дружат, хотя они и не ровесники: Павлушке идет шестнадцатый, а Сеньке только тринадцать недавно исполнилось.

Сенька росту небольшого, коротышка, как и его отец. А Павлушка высокий, худощавый. И Сенька подвижной, юркий и говорливый, а Павлушка медлительный и спокойный, на разговор скупой. Но это не мешает их дружбе: они каждый раз с радостью встречаются. И у них всегда есть о чем потолковать, как и у отца Сеньки с Павлушкиным дядею.

— Ну как? — спрашивает Данила Петрович у Степана Ивановича.

— Сегодня с тремя горшками была морока, — отвечает Степан Иванович.

— С какими?

— С белым мраморным, с бесцветным одним и с этим твоим, желто-канареечным, чтоб ему пусто было!

— Да ведь он такой же и твой, как и Мой, — усмехается Данила Петрович.

— У тебя он как-то легче получается, а я каждый раз с ним мучаюсь.

— Бывает и у меня с ним возня.

Друзья перекидываются словами еще о том о сем, а потом Степан Иванович, вспомнив, и говорит:

— А ты слыхал? Наш-то приехал.

— Кто? Генерал? — переспрашивает Данила Петрович.

— А то кто ж. И, сказывали, еще немца привез, какого-то стеклоvara заграничного.

— Стеклоvara? — удивляется Данила Петрович. — Зачем же ему стеклоvar? Стеклоvarов у нас как будто и хватает.

— Мало бы что хватает. То мы, свои, а то заграничные. Он к заграничному падок.

— А тебе кто сказывал-то?

— Мне сказал смотритель. А вот от кого он сам слыхал, не знаю. Сегодня поздним вечером и приехал.

— Да, да... Ишь ты! Стеклоvara... Зачем же ему стеклоvar? Нешто нас кого переведет на другую работу? Или учить нас немец будет новому чему?

— Поживем — увидим, — говорит Степан Иванович. — Ежели он на чье-то место метит его поставить, то тебя это не коснется, ты у нас первый. Да и меня вряд ли он из стеклоvarов разжалует. А вот если насчет учения, то вполне возможно. На ванной печи у нас такие стеклоvarы есть, что и мы могли бы их уму-разуму поучить. Стеклоvarы там липовые. Простое стекло да и то иногда такое сварят, что на пивные бутылки только годно. В общем, ты за себя не беспокойся, тебя это никак не коснется, — сказал на прощание другу Степан Иванович.

Данила Петрович и сам так думал. Но все же новость его сильно заинтересовала. И он никак не мог понять: зачем генерал привез заграничного стеклоvara?

А то, что приезд немца-стеклоvara коснется именно его и его сынишки Сеньки, об этом у Данилы Петровича и в мыслях не постояло.

Данила Петрович направился в конторку к смотрителю взять наряд, в котором будет указано, что в каком горшке ему варить в эту смену.

А потом ему надо будет заглянуть и в составную — посмотреть, как там сегодня с шихтой. Ведь если составители напорчат с шихтой, дадут некачественную, то как бы ты ни был опытен, а не только хрусталя — стекла простого хорошего колера не сварить. За ними, засыпщиками да составителями, глаз да глаз нужен. Некачественную шихту каждый стеклоvar имеет право не принять к варке.

А но улицам Дяткова в это время ходил рассыльный, стучал палкой в окна тем, кому надо идти на работу к Горшковой печи № 2, стучал и кричал:

— Хрусталь готов, горшки рушать! Рушать — это значит начинать.

И на его зов выходили из своих домишек мастера-выдувальщики, их подручные, сыновья и дочери, братья и сестры, шли на двенадцатичасовой каторжный труд. Некоторых ребятишек, которые послабей, матери везли к фабрике на саночках. Где же им было самим дойти, особенно тем, жилье которых верстах в четырех, а то и в пяти от фабрики.

У генерала Мальцева дети рабочих обязаны были работать на фабрике с восьми лет. Вот таких-то и везли сейчас на саночках матери.

А рассыльный все стучал своей палкой по наличникам окон, все кричал одно и то ж:

— Хрусталь готов, горшки рушать!

Голос его раздавался то на Буяновке, то на Жировке, а потом перешел и на Белую речку.

Широко раскинулось село Дятково, верст на пять вокруг. Ведь у каждого рабочего была большая усадьба, не говоря уж об усадьбах служащих. Мальцев не скупился на это. Рабочие имели не только коровенок и лошадок, и усадьбы у них не только для картофеля с капустой и другого овоща — на усадьбах и овсеца для лошади посеять было где. у многих и садочки были: генерал прививки давал по дешевой цене, лишь бы охота у человека к тому была. Мальцев полагал, что если его рабочий будет наполовину мужик, то с ним ему куда спокойней. Такой рабочий, привязанный к своему хозяйству, смиренней и сговорчивей. Тут уж Мальцев настоящим генералом был, да еще каким! Если из него в военном деле командира не получилось, то в командирстве над своими крепостными ему не отказать было в умении и хитрости.

Глава третья «Двадцать пять тепленьких!»

На редкость удачен вышел сегодняшней рабочий день у Данилы Петровича и Сеньки. Так получается иной раз. Как пойдет с самого начала все нормально, так и идет. Данила Петрович довольно усмехается. Сенька то и дело шныряет к дружкам на ванную: делать-то ему возле горшковой сегодня почти нечего, вот он и пользуется этим.

Варка стекла у Данилы Петровича и Сеньки уже почти заканчивалась, время было около полудня, когда к ним подошел спешным шагом смотритель смены Иван Иванович Симудров и таинственным шепотом приказал:

— Данил Петрович, к его превосходительству во дворец! Живо и немедленно, сей минут!

— Зачем? — изумился Данила Петрович.

— А уж про то мне неизвестно, там узнаешь сам.

— Может, варку закончить, тут минутное дело осталось?

— Никаких заканчиваний, приказано немедленно — нарочный из дворца прибежал. Я уж тут сам за твоими горшками послежу. Давай, брат, давай!

— Ну что же, приказ есть приказ, — сказал Данила Петрович и начал собираться, отряхивать пыль с себя.

— Да не отряхивайся ты, не на бал тебя зовут. Наверно, сказать тебе он что-то хочет, потолковать с тобой. Иди же ты скорей! — понукает его смотритель.

— Тять, дай и я с тобой пойду, — говорит Сенька отцу.

— А тебе-то зачем? Будь тут, за горшками смотри, я скоро вернусь.

— Ну, тять! — заныл Сенька. — Ну дай я пойду с тобою, а?

— Да чего тебе загорелось так? Что ты не видел там?

— Мне медведя хочется посмотреть.

— Какого медведя? Генерала, что ль?

— Да нет! Настоящего. То есть чучело медвежье, которое в прихожей дворца стоит. Ребята сказывали, что как откроешь дверь, а он на тебя шаст! Словно сожрать хочет. И как живой! И тарелку в руках держит. Ребята говорят, что этого медведя сам генерал укокошил, когда облава была. А потом с него шкуру содрали и вот чучело такое сделали. Ну, тять!

Данила Петрович любил и баловал своего сынишку. Мальчишка толковый и расторопный; из него со временем хороший стекловар выйдет. Он и сейчас подумал-подумал и решил, что генерал даже не заметит, что мальчонок с ним, а Сеньке все забава будет. Ребенок ведь он еще! Его вишь что интересуется — чучело ему надо поглядеть. Радостей-то да забав у него не густо, с самых малых лет в цеху да в цеху, дома поиграть некогда, пора только поесть да отоспаться.

— Ну что ж, пойдем, раз тебе так приспичило на медвежье чучело поглазеть, — говорит он сыну.

Данила Петрович еще раз окинул хозяйским глазом все свои горшки и направился к выходу.

Сенька, конечно, за ним, след в след шагает. И душа у Сеньки ликует. Сейчас он увидит то, чего никому из его дружков видеть никогда в жисти не придется: генеральские

покои, чучело медвежье, да и мало ли чего еще может попасться ему там на глаза! Ну самого-то генерала все видели тыщу раз, генерал никому не в диковинку. А вот чучело медвежье никто из его дружков не видел, они только слышали о нем. Он же сейчас увидит его, а если можно будет, то украдкой и рукой потрогает.

И Сенька ног под собой не чуял, его словно ветром несло; он и не заметил, как отшагал вслед за отцом версты полторы от фабрики до генеральского дворца.

А во дворце их, вернее одного Данилу Петровича, уже ждали. Когда они подошли к дворцу — не к главному парадному входу, куда входить и откуда выходить имел право только сам генерал да высокие гости, а к боковому входу в правом флигеле, где Мальцев принимал мелкую сошку, — швейцар распахнул перед ними обитую кожей дверь с бронзовой ручкой.

— Пожалуйста, входите. Его превосходительство вас ждет. Сейчас доложат ему, что вы прибыли, — с улыбочкой сказал им швейцар.

Они вошли.

И тут же откуда-то взялся — Сенька и не углядел откуда — камердинер генеральский, во фраке, в лакированных ботинках, в ослепительно белой рубашке, при галстукке бабочкой. Сенька на камердинера только мельком глянул, зато от швейцара не мог отвести глаз: ведь тот был в такой роскошной ливрее,

расшитой золотыми позументами, что прямо ослепнуть можно без привычки. Шитье золотое не только грудь и рукава форменного мундира швейцарского украшало, но было даже и на спине. Швейцар весь сиял и сверкал, словно солнышко ясное. Сенька даже рот приоткрыл от удивления: он подумал, что такой пиджачок, пожалуй, тыщи стоит.

— Грачев? — спросил камердинер.

— Так точно, — ответил Данила Петрович.

— Сейчас доложим его превосходительству, — сказал камердинер и тут же исчез за дверью.

Данила Петрович переминался с ноги на ногу и все недоумевал: зачем же все-таки вызвали его?

«Ну да сейчас узнаю, сейчас все выяснится», — вздохнул он.

А Сенька, налюбовавшись на швейцара, вспомнил про медведя. И тут он увидел медвежье чучело.

Нет, неверно, будто медведь надвигается на тебя, как только ты дверь откроешь. Неправду сказали ребята. Медведь не двигался с места никуда, он спокойно стоял сбоку у окна. А вот тарелку в лапах он держал — это правда, и пасть у него была так широко разинута, что страшно было смотреть.

«Ух и хайло же, брат, у тебя! Попадись тебе живому — сразу сожрешь», — подумал Сенька.

Сенька только было хотел незаметно пододвинуться поближе к чучелу, чтоб погладить его по шерсти, как вдруг в коридоре послышались шаги и басовитое, вполголоса пение:

— Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй-у-у-уй!

Это шествовал сам генерал в сопровождении камердинера.

Генерал всегда пел «Господи, помилуй», если был в хорошем духе.

— А, Грач! Здорово, брат, здорово, рад видеть тебя. Быстренько ты прилетел на зов мой, — говорит Мальцев Даниле Петровичу. — Есть у меня к тебе разговор, и разговор серьезный. Но сначала, ты уж не взыщи, на конюшню, брат, на конюшню, там маленько попарят тебя. Да, да, попарят! Марш живым манером туда, а потом обратно ко мне, разговаривать будем.

У Данилы Петровича и земля под ногами поплыла.

— Ваше превосходительство, да за что же это? Кажись, у меня по работе никаких провинностей нет. Смилюйтесь, ради Христа, — взмолился Данила Петрович.

— Знаю, знаю, что у тебя на работе всегда все в порядке. Да и так за тобой вины никакой никогда я не замечал.

Стекловар ты у меня качественный. Но тут особое дело, потом я тебе все поясню и растолкую. А сейчас на конюшню, на конюшню. Проводи его туда, — говорит генерал камердинеру.

— Сколько ему, ваше превосходительство? И каких? Горячих? — спрашивает камердинер.

— Нет, зачем же горячих? — засмеялся генерал. — Горячих он еще не заслужил, пусть сначала заработает он их, горячих-то. А для начала ему просто тепленьких пусть всыпят, простых, и двадцать пять всего. Полагаю, что этого для первого разу вполне достаточно.

«Господи ты боже мой! Да за что же это он на меня окрысился?» — думает в ужасе Данила Петрович.

— Ну-с, пошли, — командует камердинер Даниле Петровичу и Сеньке.

А Сенька и понять сначала не может, что к чему, куда их ведут. Он так загляделся на генерала, что и не расслышал всех его слов, не взял в толк смысла приказа генеральского. Понял он все только тогда, когда они с тятькой вслед за камердинером на конюшне очутились.

Конюшни генерала находились тут же, напротив дворца, как только аллею перейдешь. По обе стороны главных ворот конного двора стояли два деревянных двухэтажных дома, где жил управляющий конным двором и кучера; конюшни же находились в глубине двора, а по сторонам каретные сараи, сбруйные и дежурная для кучеров. Вот в эту-то кучерскую дежурную и привел их камердинер. Два здоровенных бородатых верзилы — у генерала все кучера были мужики могучие, один к одному, и у всех бороды что лопаты — мигом встали с широкой дубовой лавки, стоявшей посреди кучерской, словно по команде, во фронт перед камердинером.

— Здравия желаем, господин камердинер! — дружно гаркнули они.

Камердинер у генерала из первых приближенных был, ему всегда нужно было почет и уважение оказывать — это кучера хорошо знали. Достаточно ему шепнуть генералу про кого-нибудь нехорошее слово, и будет тому горько и кисло. Держался он со всеми чуть ли не как сам генерал. Только перед генералом да его высшими служащими он был тише воды ниже травы.

— Двадцать пять тепленьких вот этому! — приказывает камердинер кучерам, показывая на Данилу Петровича. — По приказу самого его превосходительства.

— Слушаемся! — снова гаркнули бородачи, а сами удивленно переглянулись.

Еще бы не удивиться им! Слов нет: к ним многих присылали для экзекуции, но вот таких, как Данила Петрович, первых мастеров, к ним еще не поступало; пороли только тех, которые помельче.

«Что же он такое утворил, этот Данила Петрович, что его сам генерал направил сюда? — недоумевали они. — И ведь непьющий, смирный человек и мастер редкостный. Нешто обговорил его кто перед его превосходительством?»

Но думай не думай, а приказ выполняй. Такое их кучерское дело, холопское, маленькое. Рассуждать им не положено, делай, что приказано. А то сам на лавку ляжешь живо, и тебе всыпят не только тепленьких, а и горяченьких.

— Ну, брат Данила да еще свет Петрович, раздевайся-ка не мешкая да ложись-ка на лавочку эту дубовую, — говорит Даниле Петровичу один из кучеров, который постарше. — Чем скорее ты пройдешь через это, тем быстрее заживет спина твоя.

Данила Петрович начал раздеваться. Он снял с себя сначала шапку, потом пиджачишко. Руки у него дрожали. Его ни разу не секли, ему было унижительно это, и почему-то стыдно, словно он и на самом деле натворил что-то.

— Рубашку тоже сними, — говорят ему кучера. Данила Петрович снял и рубашку.

— Ну, а теперь ложись на лавочку. Данила Петрович лег. Камердинер отвернулся.

Кучера взяли по розге; розги стояли в уголке, и их там, хоть сто человек присылай, на всех хватит. Старший кучер, видя, что камердинер отвернулся, не глядит на них, подмигнул тому, который помоложе. Дескать, не очень-то усердствуй, человека хорошего сечем, а он, может, ни в чем и не повинен. Младший его понял, ответил кивком старшему.

И розги засвистели над спиной Данилы Петровича.

Данила Петрович застонал. Ведь как ты тут ни осторожничай, а розга есть розга, и спину Данилы Петровича словно огнем ожгло.

Сенька закричал и завизжал от ужаса, кинулся к кучерам, на выручку отцу.

— Не секите моего тятку! Секите лучше меня! — кричит он не своим голосом, пытаясь помешать кучерам.

— Подожди, дай срок, попадешь, быть может, и ты сюда к нам с этим же делом, тогда получишь и ты свое, — говорят ему кучера, продолжая отсчитывать удары вслух.

Ведь камердинер-то тут стоит, нельзя скрыть ни одного удара, хоть и жалко человека.

А Сенька продолжал визжать и кричать.

— Да всыпьте вы и этому огольцу штучек пяток, чтоб он не даром визжал, словно поросенок, когда его режут, — говорит камердинер, рассердившись на Сеньку, визг которого действовал ему на нервы хуже, чем свист розог над спиной Данилы Петровича.

— На вашу ответственность? — говорят ему кучера.

— Да, на мою! — сердито ответил им камердинер.

— Будет исполнено, — сказали кучера.

И когда Данила Петрович получил свои двадцать пять тепленьких, на лавку положили и Сеньку. Сеньку не раздевали, ему только задрали рубашонку и спустили слегка штанишки.

И вот странное дело — Сенька почти не почувствовал боли, ему гораздо больней было, когда секли его тятку.

— А за что же его-то, его за что? — говорит Данила Петрович, страдая за Сеньку.

— А за то, что напросился сам, — ответил ему камердинер. — И за то, что мешал и визжал.

Все! Кончено! Приказ его превосходительства выполнен кучерами.

Данила Петрович одевается, Сенька оправляет рубашонку свою и штанишки, и камердинер ведет их обратно во дворец к генералу.

Мальцев встретил их раскатистым хохотом.

— Ну как? Ха, ха, ха, ха! Попарили тебя маленько? — спрашивает он у Данилы Петровича.

— Так точно, ваше превосходительство, — отвечает Данила Петрович. — И даже мальчика моего секли.

— Мальца? — удивился генерал. — А разве я приказывал и его попарить? Насчет мальчика я ничего, кажется, не говорил. Как же так? — обратился Мальцев к камердинеру, грозно глядя на него.

Камердинер побледнел.

— Ваше превосходительство, мальчонок так орал, кричал, чтоб его секли, а не тятку его, все время пытался вырывать розги у кучеров, что я вынужден был распорядиться и ему пяток всыпать, для успокоения, — пробормотал он в ответ генералу.

— А, ну, тогда другое дело, — говорит Мальцев. — Но в следующий раз чтоб такого не было, иначе я тебя самого прикажу выпороть. В моих владениях только я могу казнить и миловать да те, кому я доверил это. А тебе я такого не доверял. Запомни это.

— Слушаю-с, ваше превосходительство, так точно, запомню, — лепечет камердинер.

А генерал снова обратился к Даниле Петровичу:

— Ну и как ты думаешь: за что тебя парили? Вернее, почему я приказал попарить тебя? — спрашивает Мальцев у него.

— Никак не могу знать, ваше превосходительство, — отвечает Данила Петрович.

— А вот за что и вот почему, — начал Пояснять генерал. — Был я за границей, и привез я оттуда немца, стеклоvara, который умеет варить золотой рубин. Есть у них там такой сорт нового цветного стекла, очень красивый. Еле уговорил лешего, и на таких условиях, что страшно даже сказать. По сту рублей я должен платить ему, пройдохе, в месяц, да еще неизвестно, на сколько он будет меня объегоривать на золоте. Ведь красителем-то такого стекла золото является! Сказывали мне там, что золота надо немного, оно самый сильный краситель из всех, ничто с ним по силе не сравнится, а вот сколько его требуется на стопудовый горшок, не сказали. Ну конечно, и он не скажет, не выдаст секрета своего: ему же это невыгодно. Так вот я еще там надумал сам объегорить его. Думаю, нет, врешь, колбасная морда твоя, ты хитер, а мы похитрей тебя окажемся. Я еще по дороге наметил такой план: поставлю к немцу помогать ему варить этот рубин золотой одного из самых смекалистых моих стеклоvarов и прикажу ему вызнать от немца всю тонкость этого дела. А когда вызнаем, я его, немца-то, и по шапке. Поезжай, голубь, обратно, в свой фатерланд. Конечно, при расторжении контракта с ним мне придется ему неустойку заплатить, но это для меня легче, чем его тут годами держать. А кто ж у меня самый смекалистый из всех стеклоvarов, как не ты? Вот я и поручаю тебе дело это. Немец будет варить свой золотой рубин в одном из горшков на твоей печи. Ты со своим мальцом будешь ему помогать, ну и наблюдать, наблюдать за ним будешь. А вот чтоб ты лучше и усердней наблюдал, поскорее вызнал бы у немца секрет его — да он и не его, секрет-то, он сам его у кого-нибудь стянул, — я и решил послать тебя на конюшню попарить слегка. Понятно теперь?

— Понятно, — вздохнул Данила Петрович. — Но, ваше превосходительство, ведь я бы и без того постарался выполнить ваш приказ.

— Знаю, но это и тебе, и делу не во вред. Пар костей не ломит, говорит пословица. И послал я тебя туда любя и шутя, любя и шутя, — смеется снова генерал. И добавляет: — А теперь слушай обоими ушами, что я тебе еще напоследок скажу: срок я тебе даю три месяца. Чтоб к пасхе, к великому христову дню, ты мне сварил мой золотой рубин. Сваришь — награжу, не сварить — пеняй, брат, на себя. Тогда уж не тепленьких, а горячих всыпать прикажу. И не двадцать пять, а полсотни, а то и сотню всю. Вот и весь мой сказ тебе. А теперь марш на кухню, там тебе чарку-другую дадут, закусите чем бог послал... Проведи их на людскую кухню, скажи буфетчику, чтоб водку и прочее им выдал! — приказал Мальцев камердинеру своему.

— Слушаю-с, ваше превосходительство, — отвечивал тот и повел Данилу Петровича и Сеньку в другое крыло дворца, где помещались кухня и столовая для челяди генерала.

На людской кухне Данилу Петровича и Сеньку усадили за длинный и широкий стол, поставили графин водки и подали столько еды, что ее хватило бы и перехватило человек на двадцать, а то и более. И еда была такая, какой не только Сенька, а и сам Данила Петрович и не видывал.

Но они к ней, к еде-то, и не притронулись, хотя и были голодны. Данила Петрович выпил только чарку объемистую водки да чем-то заел, и то сделал так только потому, чтоб генералу не доложили, что он, дескать, его солью-хлебом пренебрег, — чего доброго, разобидится, и опять на конюшню угодишь. И они пошли обратно на фабрику.

— Тять, а я его убью, — говорит Сенька отцу, когда они уже шагали по главной аллее.

— Кого ты убьешь-то? — спрашивает Данила Петрович у Сеньки.

— Мальцева, вот кого! Ни в жисть я не прощу ему, что он велел сделать с тобою.

— Дурачок еще ты у меня, — грустно улыбнулся ему в ответ Данила Петрович. — Ну как же ты его убьешь-то?

— А так вот и убью! Я подкрадусь к нему сзади и как ахну камнюгою по голове, он и будет готов.

— Ну, во-первых, ты к нему так просто не подберешься. А во-вторых, скажем, ты и подкрался к нему, даже укокошил его, и что будет? На место его сынок из Питера пожалует. Думаешь, нам легче станет? Этот хоть самодур, но в делах толк понимает, заводы новые строит, старые расширяет, нашему брату есть где кусок хлеба зарабатывать. А сынок его может оказаться таким, что вместо стройки и

расширения закрывать заводы станет, промотает все. И тогда что делать нам, где работать будем? С голоду помрем все как есть. Нет, брат, это не выход для нас.

— А тогда что же? Значит, терпеть, пусть нас порют ни за что ни про что?

— Что поделаешь, мы пока рабы, крепостные его, — вздыхает снова Данила Петрович. — Приходится терпеть пока. А вот когда воля будет — в народе уже поговаривают, что она скоро бы должна выйти для нас, — тогда уж нам легче станет жить. А такое время будет, настанет праздник и на нашей улице, заглянет солнце и в наше оконце.

— А когда же время такое придет? — спрашивает Сенька.

— Вот тут уж я и не могу тебе ничего сказать, — говорит Данила Петрович сыну. — Когда оно, время такое, придет, никто тебе сейчас в точности не скажет, но придет. Я до него не доживу, а ты, надо полагать, дождешься его.

На этом у них разговор и закончился: они подошли к воротам фабрики.

— Ты, Сенька, никому не рассказывай, что с нами произошло сегодня, — сказал Данила Петрович сыну, когда они уже миновали проходную. — А то нам стыдно будет. Хоть и не виноваты мы с тобою, хоть он и не первых нас опозорил, а все же лучше молчи.

— Ладно, никому не буду говорить, я же понимаю это сам, — ответил Сенька отцу.

Они вошли в цех, подошли к печи и стали заканчивать варку хрустала.

К ним тотчас же прискочил смотритель.

— Ну как, Петрович? Зачем он вызывал тебя? — спрашивает он у Данилы Петровича.

— Немца-стекловара он привез из-за границы. На моей печи он будет в одном горшке какой-то золотой рубин варить. А мы с Сенькой чтоб помогли ему, — нехотя ответил Данила Петрович смотрителю.

— Только за этим? — удивился смотритель.

— Только за этим. Ну еще и за тем, чтоб мы учились у него сами варить рубин этот, присматривались, что он делает.

— А вот это уже другой разговор, — сказал смотритель. — Ну что ж, поздравляю тебя, Петрович, с милостью его превосходительства, раз он доверие такое оказывает. Ты, надеюсь, со своей смекалкой скоро овладеешь делом таким, научишься варить и этот рубин.

— Спасибо, — буркнул в ответ Данила Петрович. А сам подумал:

«Тебе бы он такое «доверие» оказал, тогда бы ты почувствовал милость генеральскую, узнал бы, какова она».

Ни Данила Петрович, ни Сенька никому словом не обмолвились о том, что произошло с ними на конюшне его превосходительства, но не прошло и двух дней, как об этом узнали все — и на фабрике, и в селе.

И не только о том, что их выпороли, но и почему.

Даниле Петровичу и Сеньке было очень неприятно, что о них стали судачить везде, хотя все сочувствовали им и возмущались самодурством генерала. Особенно возмущалась самодурством генерала горячая молодежь, ребята-баночники, подручные.

— Эх, заловить бы его самого, черта толстого, где-либо в темном уголку да вкатить ему сотенку горячих по жирной спине его, чтоб он сам, на собственной шкуре, испытал, каково это!.. — говорили они меж собою.

— Да, держи карман шире! Так ты и поймал его, так он и будет тебе разгуливать по темным уголкам, — отвечали им на это те, которые постарше. — Вы-то его никогда не увидите в темных уголках, а он вас, если бы услышал такие речи, живым бы манером в любое время дня спровадил к кучерам и приказал бы всыпать вам по сту, а то и побольше самых наигорячих. Его воля: он над нами и царь и бог.

— Да, такое у нас впервые произошло. Таких, как Данила Петрович, он ни разу еще на конюшню не посылал, да еще без всякой вины, дури своей ради, — говорили мастера.

— Тут у нас, в Дятькове, этого не было, верно. Но на других заводах такое происходило, — сказал самый старый из мастеров гуты Иван Иванович Селезнев. — Так что Данила Петрович не первый, кто попал под милостивую руку барскую, у него это уже испытанный прием для придания большей бодрости брату нашему.

— А где еще такое было и над кем? — заинтересовались молодые мастера.

— В Людинове было и в Песочне, — ответил Иван Иванович. — И тоже вот по такому же случаю. Тоже немцев привозил. В Людинове не знаю какой специальности, а в Песочню он привез тогда

специалиста по полировке чугунной посуды. И вот точно так же послал одного из своих литейщиков на конюшню, чтоб он больше рвения проявил в раскрытии секрета состава полировальной смеси. Правда, там он посылал не пожилого, а молодого мастера, вернее, подручного мастера.

— А ты что же, Иван Иванович, думаешь, молодому не так обидно и больно, когда его ни за что ни про что лупят?

— Никто этого не думает и не говорит, а только молодой легче это перенесет, нежели старик вроде меня. Пошли он меня на конюшню, я и душу богу отдам. А вы выдержите.

— А мы не желаем и не хотим выдерживать!

— И никто этого не желает, да что поделаешь, — говорит старый мастер. — Генерал еще что, он не так часто посылает нашего брата на правёж, а вот что в деревнях его бурмистры да старосты утворяют над мужиками, так это и сказать невозможно. Что хотят, то и творят над мужиком беззащитным. А кому пожалуешься? До бога высоко, до царя далеко, да и до генерала не близко. А потом, и так сказать: пожалуйся-ка попробуй! Бурмистр всегда выкрутится и такое на тебя наговорит, что ты же кругом виноватым окажешься, и тебе еще всыпят, чтоб не ябедничал. И что обиднее всего, бурмистры-то эти да старосты не бары, не голубая кровь, не белая кость, а свой брат, такой же крепостной Мальцева, как и остальные мужики, под начало им отданные. А лютует иной так, что десяти барам впору.

— Но должен же этому конец быть когда-то, Иван Иванович? — спрашивают молодые у старого мастера.

— Обязательно будет, — отвечает им Иван Иванович. — Всему бывает конец, кончится и гнет барский.

— А когда?

— Должен бы вскорости.

— Уж очень он долго тянется.

— Что поделаешь. Татарский гнет лет триста над Русью был, а пришла пора, освободились от него. Освободимся и от барского гнета, всему свой срок и черед, — обнадеживает старик молодых.

— Ах, поскорее бы он наступил, срок-то этот твой!

— Он скорее ваш, а не мой. Я до этого не доживу, быть может, а уж вы-то волю увидите, — отвечает старый мастер молодым, точь-в-точь так же, как отвечал и Данила Петрович своему Сеньке на такой же вопрос.

А иного ответа и быть не могло. Всем было тяжело, все ждали воли, и разговоры о ней давно уже ходили в народе.

Такие разговоры происходили и в других цехах, не только в гуте.

И даже на других фабриках и заводах генерала — в Ивоте, в Стари, в Знебери, Любохне и Людинове. В Людинове в особенности. Ведь Людиновский завод у Мальцева самый большой: там работает больше пяти тысяч человек. Там есть и техническое училище: народу грамотного больше, чем на каком другом его заводе. А грамотный человек больше думает о своем положении и ищет избавления от гнета и неволи.

— Скоро, скоро бы должен быть конец произволу барскому, скоро бы должна кончиться позорная крепостная пора. А когда придет ей конец, будет уже легче нашему брату, рабочему человеку и мужику.

Глава четвертая Генрих Шульц знакомится с фабрикой

Генрих Иоганн Шульц только одну ночь ночевал в генеральском дворце. На другой день ему была определена постоянная квартира у соотечественника его, мастера алмазной грани Фридриха Шварца, тоже в свое время вывезенного Мальцевым из Богемии да так и осевшего в Дятькове на постоянное житье, даже женившегося тут на крепостной генерала. Но завтракать утром Шульц был приглашен опять к генеральскому столу. Мальцеву нужно было с ним потолковать кое о чем, узнать, что ему нужно для работы. В особенности генерала интересовало, сколько же ему, Шульцу этому, нужно будет золота и какого на варку каждого горшка золотого рубина.

— Ну, Гендрик да еще свет Иванович, выкладывай, что и сколько тебе нужно от меня для твоих надобностей по работе, — говорит ему Мальцев за завтраком.

Шульц в Богемии работал на заводе тамошнем не только со своим братом немцем, но и с чехами и поляками, знал их языки, ну, а они сродни русскому языку, а поэтому он мог, хотя и с трудом,

немножко понимать и объясняться и по-русски.

— Мой сначала желайт иметь лабораторий свой, — отвечает Шульц генералу.

— Ладно, будет тебе лабораторий твой, — усмехнулся Мальцев. — Прикажу отвести тебе комнатушку при составной, там есть свободные закутки. Еще что твой желайт?

— Еще мой желайт помощник имейт.

— Гут, будут у тебя и помощники. Еще чего тебе надо?

— Некоторый кислот.

— Дадут тебе и это. А вот скджи-ка, братец ты мой, сколько тебе нужно будет золота и какого на каждую варку, на один стопудовый горшок?

И Мальцев вперил в немца испытующий взгляд. Шульц понял его и тут же ответил:

— Любой гольд. Лютше мелкий, песок, но хорошо и монет.

— Так, — говорит генерал. — Ну, песка у меня нет золотого для тебя, а вот монеты найдутся. И сколько же тебе монет нужно? На каждый горшок? На какую сумму?

— Сто талер, — ответил Шульц.

— Что-о-о? — изумился Мальцев. — Это двадцать пятерок золотых на один горшок? Да ты, брат, не рехнулся случайно, а? Или твой язык сболтнул, с головой не посоветовавшись?

— Так надо. Меньше нельзя, золотой рубин не будет, — спокойно ответил Шульц генералу.

— И на сколько же ты меня объегориваешь на каждом горшке, скажи-ка по:совести? — спросил Мальцев.

— Вас ист дас «объегориваешь»? — не понял Шульц.

— Ну обманываешь, обжуливаешь. Недаром же у тебя и фамилия такая — Шульц, а это все равно что и Жульц.

Тут уж Шульц понял. Он встал возмущенный и твердо заявил генералу:

— Мой не жульц, мой есть Шульц! И мой честный человек, мой не обманайт. Мой желайт цурюк ин фатерланд!

— Ладно, ладно, ты очень-то не ерепенься, брат, — сменил тон Мальцев. — Успеешь еще повернуть лыжи в фатерланд. Шут с тобою, будешь получать двадцать пятерок. Только, полагаю, недолго ты меня облапошивать так будешь. А вашу немецкую честность я знаю: вы за копейку можете брату родному горло перегрызть. Еще что тебе требуется?

— Больше мой ничего пока не требовайт, — отвечает Шульц.

— Так. А когда к работе приступать думаешь?

— Через три дня.

— А что же ты будешь делать эти три дня? — спрашивает Мальцев.

— Мой желайт смотреть ваш завод, оборудовайт лабораторий свой.

— Очень хорошо, согласен, — говорит Мальцев. — Пошатайся по цехам, зайди в мой музей-образцовую, полюбуйся на мой хрусталь. Ты, брат, не думай, мои работают не хуже ваших, а кое-что делают и получше. Я уже несколько медалей золотых и серебряных получил на международных выставках за свой хрусталь, вот какие мои мастера! И будь спокоен: мои стекловары научатся и рубин ваш золотой варить, да еще почище, чем ты. А теперь мы с тобой попили-поели, о деле поговорили, пора каждому по своим делам разбредаться. Ауфвидерзейн, то есть до свидания, значит, и будь здоров! Ежели что нужно будет — прямо ко мне. Но я и сам к тебе нет-нет да и загляну, так что ты не беспокойся, своим вниманием я тебя не обойду.

Шульц и половины не понял из того, что сказал ему генерал, но одно ему ясно, что пора откланиваться и удалиться восвояси, что он и сделал.

И вот он, сначала устроившись в отведенной ему комнате в квартире Фридриха Шварца, идет на фабрику, начинает бродить по цехам. Его сопровождает земляк и хозяин квартиры, Фридрих Шварц. Фридрих дает ему пояснения. Без Фридриха Шульцу многого бы не понять, особенно в музей-образцовой, где надо было не только смотреть, а и надписи читать. Шварц же не только пояснял своему земляку порядки на фабрике его превосходительства, но и попутно рассказал ему о генерале все, что знал сам.

— Это очень большой богач, — рассказывает Шварц. — Его состояние оценивается более чем в двадцать миллионов рублей золотом. Он получил прекрасное домашнее образование, знает французский и немецкий языки. Служил в лейбгвардии кавалерийском полку, командиром которого был принц Ольденбургский, а он был адъютантом у принца, в звании генерал-майора. Его ожидала блестящая придворная карьера, но он предпочел ей управление своими заводами. Он заинтересовался

этим делом еще в юности. И в самом деле, что ему придворные должности, когда он тут сам себе царь и бог? Здесь он живет один, а жена его и дети находятся в Петербурге, при дворе. Жена его одна из самых приближенных к императрице фрейлин.

— Как? Он живет в одиночестве, без жены? — удивился Шульц.

— Нет, зачем же, — ответил ему Шварц. — У его превосходительства есть жены, у него их, как и у турецкого султана, тут полный гарем. И, как и у султана, среди них есть главная, некая Прасковья Андреевна...

— Но позволь, позволь, он же христианин, а не мусульманин? — Шульц даже остановился от удивления.

— Христианин, да еще какой! — ответил ему Шварц. — Ни одной церковной службы не пропускает, большой любитель пения церковного.

— Но ведь по законам христианской религии многоженство — ужасный грех. Как же он может так делать? — ужаснулся Шульц.

— А вот так и делает, — сказал Шварц. — Таким, как он, все позволено, и он не один такой.

— Какое грубое животное!

— Да, в грубости ему не отказать. Но и пройдоха он тонкий, ты с ним осторожней будь, если в дураках остаться не хочешь. Правда, к нам, иностранцам, особенно к тем, кто на постоянно тут остался, он относится хорошо, работать у него нашему брату можно. Но ведь ты же у него не постоянный, а по контракту, ты же не думаешь совсем тут остаться?

— Ни за что на свете, особенно после того, что ты мне сейчас о нем рассказал! — гневно сказал Шульц.

— Да тебе-то какое дело, как он живет?

— Я не люблю таких людей! Нет, я не останусь у такого! — крикнул Шульц.

— Я тоже сначала не думал оставаться, а вот остался, — вздохнул Шварц. — Где бы я смог заработать столько?

— А сколько ты тут зарабатываешь? — поинтересовался Шульц.

— Рублей сто в месяц.

— Все время так?

— Да. Но так он платит только нам, иностранцам, и то не всем, а некоторым. Ведь я работаю над самыми дорогими, уникальными изделиями. Своим же, даже таким мастерам, как я, он платит раза в три, а то и в четыре меньше: своих он держит в черном теле.

— Да, заработок у тебя хороший, ничего не скажешь, — заметил Шульц. — И все равно я тут не останусь!

— Да не оставайся, кто тебя уговаривает? — ответил ему Шварц. — Я тебе только о том толкую, чтобы ты ухо остро держал, в дураках не остался прежде времени. Если ты выдашь секрет изготовления золотого рубина, визнают его у тебя стекловары, то тебя отсюда он живо домой наладит.

— А тогда он платит мне большую неустойку, — ответил Шварцу на это Шульц.

— Это еще как сказать. Придерется к чему-нибудь и не заплатит. У него-то тут всюду свои: и судьи, и прочее начальство. Лучше осторожней будь.

— Генрих Шульц никогда дураком не был! — гордо заявил Шульц.

— Ну и хорошо, если это так, — сказал ему на это Шварц.

Хрустальная фабрика его превосходительства не приглянулась Шульцу, особенно составная, с которой главным образом и придется иметь дело ему, Шульцу.

— Какая грязь, мой бог! — фыркнул он. — И это там, где должна быть особая чистота. И это тут, где готовится шихта для хрусталя! Где будет составляться шихта и для моего золотого рубина! Нет, так не будет! Я потребую, чтоб для моего золотого рубина была абсолютно чистая шихта, я наведу тут порядок.

— Наведи, наведи, генерал тебе за это только спасибо скажет.

— Мне не нужно его спасибо, мне нужна хорошая шихта для мой хрусталь, — сказал Шульц, от волнения и не заметив, что опять перешел на коверканный русский язык со своего родного немецкого, забыв, что перед ним сейчас не генерал Мальцев, а друг, соотечественник.

Остальные цехи тоже Шульцу не приглянулись из-за ужасной тесноты. Только в живописном да гелиоширном было мало-мальски попросторнее. И Шульц удивлялся, как эти русские могут работать в такой тесноте, да еще работают как, любо-дорого глядеть! И не мешают друг другу, хотя казалось, что им и не повернуться тут.

«Да, ловкие ребята», — думал Шульц про дятьковских мастеров.

А еще больше он удивлен был, когда они вошли в музей-образцовую.

Шульц да и Шварц тоже видели у себя в Богемии вот такие музеи, где выставлялись лучшие образцы изделий завода. И все же Шульца многое поразило в музее хрустальной фабрики его превосходительства.

Образцовая помещалась на третьем этаже упаковочного цеха. Она занимала весь этаж, была залита светом, и экспонатов были тут тысячи. Такого обилия образцов Шульц не видел никогда.

— Бог ты мой! И чего же тут только не наставлено! — сказал он Шварцу.

— Да, собрание богатое, — ответил Шварц.

И они начали неторопливый обход выставки, останавливаясь перед тем, что вызывало особый интерес Шульца. Шульц никак не думал, что у русских, этих медведей, может быть столько прекрасных изделий из стекла и хрусталя. Его удивляла и чистота колера, и богатство алмазных граней, и разнообразный ассортимент. Здесь были сервизы для стола, церковная утварь и такие уникалы, как хрустальные самовары, сапоги и лапти, всевозможные грузы для бумаг, и грузы эти были сделаны с таким мастерством и выдумкой, что Шульц просто диву давался. Внутри одного из таких грузов из свинцового хрусталя была размещена деревенская свадьба: сваты, сватья, жених и невеста сидели за свадебным столом; все фигурки были сделаны из разноцветного стекла и выглядели как живые.

Но особенно поразило Шульца самый большой экспонат музея-выставки — громадный, в рост человека, подсвечник из трех хрусталей: белого мраморного, бесцветного свинцового и оранжевого. Шульц как стекловар знал, как трудно сварить все эти сорта: коэффициент их расширения должен быть почти одинаковый, иначе при обработке они бы разрушились.

— Сколько же эта махина стоит? — поинтересовался Шульц у Шварца.

— Без малого тысяча рублей, — ответил ему Шварц.

— И покупают?

— Да, бывают заказы и на такие изделия, богатые монастыри и соборы заказывают.

— Мой бог! Сколько же денег тогда у этих монастырей и соборов, что они могут платить за один подсвечник тысячу рублей, — ужаснулся Шульц.

— Ты еще учти и то, что такие подсвечники заказываются не в единственном числе, а парами, по два, а то и по четыре, — пояснил Шульцу Шварц.

— С ума сойти, с ума сойти! — удивился Шульц. Потом они перешли к разделу сервизов.

— Грань Дитриха... Грань Кербеза... Грань Беллюстина, — начал перечислять Шварц названия сервизов.

— О! Наше, немецкое! Наши мастера делали, — обрадовался было Шульц.

— Нет, не наше, это все работы русских мастеров, — ответил ему Шварц.

— Русских? Тогда почему же они называются так?

— А потому, что Дитрих, Кербез и Беллюстин были когда-то управляющими этой фабрикой, ну они таким образом и хотели увековечить свои имена тут. Они приказывали какому-либо мастеру алмазной грани изобрести новую грань, тот делал ее, а в списки названий новая грань заносилась под именем управляющего, — пояснил Шварц.

— Но ведь это же не хорошо делать так, это же все равно что и воровство, — возмутился Шульц.

— Мало ли что, тут так принято, — сказал Шварц. — Я и сам создал несколько образцов новых граней. А думаешь, они носят мое имя? Как бы не так! Они помечены только номерами.

— Почему же ты не протестовал? Не сказал об этом генералу?

— Потому что это бесполезно, я бы имел от того только неприятности, — говорит Шварц. — Его превосходительство такое позволяет только высшим своим служащим, а мелкую сошку, вроде меня, он этим не любит баловать.

Но были на выставке и такие экспонаты, которые привлекли внимание Шульца своим убожеством и несуразицей. Особенно нелепым ему показался четырехгранный штоф из зеленого стекла мутного колера, с шестью стаканами к нему, небрежной, аляповатой отделки. На боках штофа были нарисованы тушью силуэты кувыркающихся чертенят, под ними надпись церковнославянским шрифтом: «Здорово, стаканчики! Каково поживали? Меня поджидали», «Пей, пей, увидишь чертей!», «Пить до дна — не видать добра!»

Чертенята были изображены и на стаканах; под ними тоже надписи тем же шрифтом: «Первый стакан», «Второй стакан», «Третий стакан», и так по порядку.

— Что это такое? — спрашивает Шульц у приятеля.

— А это образец трактирного винного прибора, называется он штоф. К нему, значит, и стаканы соответствующие, — поясняет Шварц.

— А зачем на нем и на них нарисованы черти и какой дурак рисовал их?

— Рисовал их не дурак, а художница Бем.

— Бем? Немка?

— По-видимому, да, но точно я не знаю, — говорит Шварц. — Видишь ли, у Мальцева одно время работал на Ивотском заводе немец Бем, тот самый, который первый начал варить бемское стекло для витрин магазинов. Был, говорят, и управляющий с такой фамилией на этой вот фабрике, а жена у него была вот эта самая художница; жена, а быть может, и не жена, а дочь или сноха, точно я тебе этого не могу сказать. Но что она работала, делала рисунки и для росписи стекла, так это, как видишь, факт. Нарисовала же она чертенят этих на штофе и стаканах, надо полагать, для того, чтобы отпугнуть пьяниц от зелена вина. Но только цели своей она не достигла, наоборот, пьяницы как раз полюбили этот штоф и стаканы, всегда спрашивают подать именно его. «А ну-ка, малый, подай нам того самого, который с чертями, да полнехонький чтоб!» — говорят они половому. И тот подает. А трактирщику такой штоф тоже с руки.

Стекло-то мутное; какое зелье ни налей, все равно не разглядишь. Трактирщики с удовольствием покупают такие водочные приборы.

— Какой ужас! — говорит Шульц.

— Кому ужас, а кому доход. Его превосходительство не малую деньгу зашибает на этих приборах.

Дольше всего Шульц задержался возле полок с цветным стеклом: цветное стекло было его страстью. Он не только осмотрел все, что стояло на полках и стеллажах из цветного стекла и хрусталя, но некоторые изделия брал в руки и рассматривал их на свет, чтобы убедиться в чистоте колера, старался найти пороки и изъяны. Но как придирчиво ни рассматривал то, что брал в руки, а ничего плохого не нашел; все было безупречно по качеству. И синее кобальтовое, и желтое простое, и желтое канареечное, и оранжевое, и голубое, и белое мраморное — все было хорошо сварено и отлично сделано и разделано.

Хороши были и рубины, селеновый и медный, а медный был просто прекрасен: чистый, просматривающийся насквозь. Не было тут только пока золотого рубина, но скоро и он займет здесь свое место, его, Генриха Иоганна Шульца, золотой рубин.

— Тут будет скоро и мой золотой рубин, — с гордостью говорит он своему земляку Фридриху Шварцу.

— Ну это еще как сказать, — усмехнулся Шварц. — Либо твой, либо собственный его превосходительства.

— То есть? — не понял Шульц.

— А вот так. Как только ты прошьешь, визнают у тебя рецепт твой, научатся здешние стекловары варить твой золотой рубин, так генерал поставит сюда изделия не из того рубина, который ты варил, а из того, что сварят его мастера. И будет это не рубин Генриха Шульца, а рубин его превосходительства генерал-майора Мальцева.

— Слушай, ты уже говорил мне это, — рассердился Шульц. — А я тебе говорил и еще раз говорю, что такого не может быть. Генрих Иоганн Шульц не был дураком и не будет им. Ни одна русская душа не узнает моего секрета! И больше ты мне таких слов никогда не говори!

На этом Шульц и закончил свой первый осмотр выставки-образцовой. Он устал, и они со Шварцем зашагали домой. Шульцу надо было хорошенько отдохнуть: ведь завтра он приступит к работе, начнет первую варку своего золотого рубина. Ему надо не оскандалиться перед русскими стеклоvarами, сделать варку качественную. А ведь золотой рубин в варке самая капризная штука. Он иной раз и у опытного стеклоvarа, такого, как Генрих Шульц, может получиться неудачным, тем более что в составной такая грязь.

Глава пятая

«Алый стеклярус» Михаила Васильевича Ломоносова

Уж очень он хвастлив и самоуверен, этот Гендрик Жульц, как окрестил его Мальцев. «Мой золотой рубин», — говорит он. А рубин-то золотой вовсе не его, не он его изобрел, и даже не немцы его первые открыли.

Первые начали добавлять золото для окрашивания стекла ассирийцы, но только изделия у них из такого стекла получались не прозрачные, цвета голубиной крови, как у теперешнего золотого рубина, а

кроваво-печеночного цвета, глухие. В те давние времена люди еще не умели варить прозрачного стекла, все цвета были глухие или мутно-грязные.

Римские стекловары также пользовались золотом как красителем стекла, и у них в горшках получался уже приличный золотой рубин. Римляне называли его «кассиевым пурпуром»; изделия из него украшали жилища и столы богатых патрициев. Способ изготовления «кассиевого пурпура» утерян, но известно, что он был очень сложен и трудоемок; окраска получалась при варке в горшках.

Теперешний рецепт изготовления золотого рубина был открыт в средние века алхимиком Либавием; он первый сказал, что рубин можно получать «окраской золотым раствором». Что это за «раствор», Либавий не объяснил. Вкратце об этом рассказывает уже другой алхимик, Нери. Он указал, что золото нужно растворять в смеси азотной и соляной кислот. Этими указаниями и воспользовался немецкий стекловар Кункель — изобретатель хрустала. Кункель первый начал добавлять окись свинца, так называемый сурик, в шихту для варки оптических стёкол и когда получил идеально чистое стекло от такой примеси, назвал его «кристалль», а по-нашему «хрусталь». Кункель начал варить и лучший в те времена золотой рубин. Изделия из золотого рубина приносили Кункелю такие барыши, что секрет изготовления его он держал в величайшей тайне. Он ни словом не обмолвился о способе его приготовления и в своей книге по стекловарению: унес секрет с собою в могилу.

И золотой рубин перестали варить; секрет его, казалось, снова был потерян.

И он был бы потерян, может быть, на долгие годы, если бы не труды Михаила Васильевича Ломоносова. Именно ему, нашему великому ученому, принадлежит честь нового открытия эццепта изготовления золотого рубина.

Работая в своей лаборатории при стекольной фабрике в селении Усть-Рудица, Ломоносов делает тысячи опытов, составляя рецепты для цветных стекол, которые требовались для смальты, бисера и стекляруса.

Свыше четырех тысяч варок стекла проделал он в крошечных тиглях, вмещавших всего пятнадцать — двадцать граммов шихты. Создал две с лишним тысячи образцов цветных стекол для смальты, стекляруса и бисера. Сам готовил шихту для них, взвешивал компоненты на сделанных им самим весах, по точности которым в те времена не было равных: на них можно было взвешивать микроскопические доли красителей стекла до сотых долей грамма. И тщательно записывает результаты плавок в свой лабораторный журнал. И не только в журнал, а пишет рапорты о результатах своих работ в академию.

«Миновавшего 1749 года, в сентябрьской трети, трудился я в деле крашенных стекол разных, делал химические опыты, как для исследования теории о цветах, так и для употребления оных, в чем имею нарочитый успех», — писал Михайла Васильевич в одном из своих рапортов в Академию наук.

Он мог это писать с гордостью, успехи его в стекловарении были огромны: такой гаммы цветных стекол до него никто не создавал.

Вот в эти-то годы ученый изобрел и свой золотой рубин. Испробовав всевозможные окиси и закиси минералов, Михайла Васильевич не мог пройти и мимо золота, не испытать его как красителя стекла.

И испытал.

И, полагать надо, проделал с золотом не один опыт, пока не достиг желаемого результата, пока не получил золотого рубина. И далось ему это, тоже полагать надо, не легко: ведь этот самый прекрасный из всех рубинов и самый капризный в варке. Золото очень сильный краситель: его нужно всего четыре сотых процента для получения окраски стекла, ни больше и ни меньше. Если внести меньше, окрашивания не получится, а внесешь больше — золото осядет на дно тигля в виде так называемых «корольков». Но ученый все преодолел, добился успеха. В своем дошедшем до нас «Лабораторном журнале» Михайла Васильевич подробно описал способ изготовления золотого рубина, который он называет не «рубином», а «алым стеклярусом». Он указывает, что золото надо растворить предварительно в смеси азотной и соляной кислот, в так называемой царской водке, сообщает, какое количество его нужно по отношению к весу шихты; заметил, что окрашивается лучше всего свинцовое стекло. А самое главное: он отметил влияние отжига в прокальных, или калильных, как их называли в те времена, печах на окраску изделий — «набегание краски» происходит именно при отжиге изделий.

За границей, в Германии особенно, об этой работе Ломоносова знали, и знали, по-видимому, очень хорошо: ведь ученый не засекречивал своих работ. Иначе чем же объяснить, что вдруг ни с того ни с сего там возродился умерший было способ изготовления золотого рубина, да так возродился, что оттуда начали вывозить мастеров-стекловаров, умеющих варить его?

Вот и Мальцев привез оттуда своего Гендрика Жульца.

Конечно, будь генерал пообразованнее, поинтересуйся он как следует трудами Ломоносова в стекловарении, он, возможно, напал бы на «Лабораторный журнал» ученого, познакомился бы там с рецептом изготовления «алого стекляруса». И тогда бы не нужно было ему привозить сюда Шульца, платить немцу большие деньги, посылать своих мастеров на конюшню, чтоб они поскорее вызнали у немца «секрет» золотого рубина. Но в том-то и дело, что Мальцев был не очень образован, не в его привычках было читать книги, а тем более в архивах рыться. Для него проще нанять заграничного мастера, заплатить ему, что стоит, и вся недолга. К тому же Мальцев хотя и был коренной русак и по характеру и по облику, но, как все большие бары в те времена, был поклонник всего заграничного. Он и не подозревал, что рецепт золотого рубина уже был известен русским. Но зато он был уверен, что немец недолго будет сидеть на его шее, что рубин у него будет вскоре свой. В смекалке Данилы Петровича он ничуть не сомневался. Тем более после того, как он приказал слегка попарить его.

«Пожалуй, и месяца не пройдет, как Данила мой обведет этого Жульца вокруг пальца: мужик он зело смекалистый», — рассуждал Мальцев.

Глава шестая

Генрих Шульц приступает к варке золотого рубина, а Данила Петрович и Сенька помогают ему

Варка хрустали на второй горшковой печи должна была начаться в первом часу пополуночи. Как и обычно, Данила Петрович с Сенькой пришли в цех за час до начала работы. Генрих Шульц заявился часа на три раньше. И как пришел, так и начал бушевать. Где, дескать, его помощники, Данила Петрович с Сенькой?

— Где они пропадают? — грозно допрашивает он Степана Ивановича, как будто тот хозяин им.

— Должно быть, дома еще, собираются на работу, — отвечает немцу Степан Иванович.

— А, он собирайт на работу? Пять час все собирайт, да? А мой желайт, чтоб он момент тут был! Твой понимайт, что мой желайт?

— Понимаю, чего тут понимать-то? Но и ты понимать должен, что они в свое время обязаны на работу являться, а не тогда, когда тебе захотелось. Мы, стекловары, и так всегда раньше времени приходим, а ведь мы не двужилые, человеку и поспать требуется.

Но Шульц ничего слушать не хотел. Он полетел к смотрителю смены, начал орать и на того.

Шульц чувствовал, что сейчас он персона важная, с ним даже Мальцев должен считаться, не то что эти стекловары и смотритель.

А тут еще выяснилось, что в его лаборатории нет ни азотной, ни соляной кислоты, золота также ему еще не выдали.

— Мой не может варийт золотой рубин без кислот и золотой монет! Мой будет докладывает генераль! — разоряется Шульц.

— Так чего же ты раньше не позаботился о том? — резонно замечает ему на это смотритель. — Об этом тебе надо было еще днем позаботиться.

— Мой говорил о том генераль, генераль сказал, что будет все предоставлен!

— И предоставили бы, если бы ты вовремя сказал, днем бы. А сейчас у нас не день, а ночь-матушка.

— Матушка, да? А мне не матушка нужна, а кислот и монет!

— Ладно, не ори ты так, я не глухой, — рассердился и смотритель. — Сейчас доложу управляющему, а уж он пусть говорит с его превосходительством, авось как-нибудь уладится это дело.

— Вот дурья голова! — захохотал Мальцев, когда ему доложили, из-за чего бушует Шульц. — Сам опростоволосился, а теперь виноватых ищет. Ну уж ладно, распорядитесь там, пошлите за кладовщиком, пусть выдаст ему кислоты эти его. А за деньгами пришлите человека ко мне: я выдам из домашней кассы. Не срывать же варку рубина.

Слово Мальцева для всех закон. И часу не прошло, как Шульцу все было доставлено в его лабораторию.

Устанавливая в шкафу принесенные из кладовой банки с кислотами, протирая мензурку и стеклянный бочонок для составления смеси, Шульц все ворчал и ворчал:

— Проклятый Русланд! Дурак русский человек! Зачем я поехал сюда?

Он успокоился и подобрел только тогда, когда из дворца генерала принесли ему двадцать золотых пятерок, новеньких, будто только сейчас отчеканенных. Он пересчитал их раза два, а потом достал свое

портмоне, бережно высыпал туда монеты и опустил в глубокий карман своих рабочих брюк.

— Гут! Русский золотой монет гут, — проворчал он уже добродушно.

Шульц снова направился в цех, к горшковой печи номер два, чтобы узнать, пришли его помощники или еще нет.

— Почему твой так долго не шель ко мне? — закричал он на Данилу Петровича, как только углядел его с Сенькою. — Почему твой так долго собирайся на работу, а? Твой спать любит, да?

— Я пришел ко время, раньше мне тут делать было нечего, — робко отвечает ему Данила Петрович. — Вы бы сказали вчера, чтоб мы раньше пришли на час или на сколько там, мы бы и пришли.

— Так вот я и говорю вам: приходите раньше на два часа всегда, когда мой будет варить золотой рубин! — орет Шульц. — Твой понимайт мой слов?

— А чего тут понимать-то? Будем приходите так, как вам нужно, — отвечает ему Данила Петрович.

— Носится он со своим золотым рубином словно дурень с писаной торбой, — проворчал в усы Степан Иванович. — Еще посмотрим, как он у тебя получится, этот рубин твой золотой.

— Надо, чтоб получился, иначе мне плохо будет, — тихо сказал другу Данила Петрович. — Немец нажалуется генералу, скажет, что я подсыпал чего в шихту, ну и не миновать мне опять конюшни.

— Это вполне возможно, — соглашается Степан Иванович и добавляет: — А ты вот что... Попроси ребят, золосеев, чтоб они шихту для него, черта этого, готовили особенно тщательно, не загрязнили бы ее как-нибудь, не подвели бы тебя.

— Я уж об этом и сам сейчас подумал, придется ребят просить, — вздыхает Данила Петрович.

— Ком! Ком! — орет Шульц на Данилу Петровича и Сеньку. — Всё разговаривайт, всё разговаривайт, а работать нет? Ком!

И Шульц направляется в составную. Данила Петрович и Сенька за ним.

У Сеньки кипело на душе, ему хотелось самому закричать на немца, сказать ему, что он дурак, что он не имеет никакого права кричать так на его тятку, что тятка его лучший стекловар на фабрике. Но Сенька понимал, что этого ему делать нельзя, надо пока терпеть и молчать. Рабы они с тяткою, немец над ними сейчас господином поставлен.

А в составной их уже ждали. Не Шульца, а Данилу Петровича с Сенькою. Ведь они всегда в это время заглядывают сюда, чтоб осмотреть шихту, узнать, где какая лежит. Составители, или золосеи, как их называют на фабрике — а называют их так, видимо, потому, что они и золу просеивают для поташа, — всегда встречали Данилу Петровича с радостью: они любили и уважали его. Так они встретили его и сейчас.

— Данил Петровичу! Почет и уважение! — говорят они ему. — А это что за чучело с вами?

— Тише, ребята, тише, — предупреждает их Данила Петрович. — Это тот самый немец, которого генерал из-за границы привез. Он будет варить золотой рубин. Вы осторожней в разговоре при нем, он понимает немножко и по-нашему. Как бы он не разобиделся на вас за то, что вы чучелом его называете... Я вот что хочу вас попросить, ребятки: вы уж меня не подведите, готовьте для него шихту хорошую. Ведь я у него в помощниках, если что — я в ответе. Так что я вас очень прошу.

— Да ведь мы и для вас всегда качественную готовим, Данил Петрович, зачем нас предупреждать, — говорят ему золосеи.

Шихта была приготовлена для варки разных сортов стекла: и для простого бесцветного, и для дорогого свинцового хрусталя, и для синего кобальтового, и для двух рубинов — селенового и медного, и для дымчатого топазного. Была тут шихта и для зеленого стекла, для двух желтых, обычного и канареечного. Даже были наряды на глухое белое и на оранжевое. На горшковых печах всегда так: никогда не бывает, чтобы варился один или два сорта. Каждый раз в каждом горшке особое стекло. Только опытный стекловар да составители могут разобраться, что к чему, только они понимают друг друга с полуслова.

— Какой мой шихта для мой золотой рубин? — снова заорал Шульц, теперь уж и не понять на кого — то ли опять на Данилу Петровича, то ли на ребят-золосеев.

— А тебе какая шихта-то нужна? — кричат ему в ответ золосеи. — Ты очень-то не дери горло, мы и сами кричать умеем. И ты нас не перекричишь, нас тут вон сколько, а ты один.

— Мой требовайт свинцовый шихта для мой рубин, — отвечает им Шульц.

— Ну так бы ты и сказал сразу. Вот в этом грудке как раз и находится шихта с примесью окиси свинца, можешь ее брать, если она тебе нужна.

Но Шульц сам брать шихту не желает, он показывает Даниле Петровичу на стоящее в углу ведро и приказывает ему и Сеньке насыпать его шихтой доверху и нести за ним в лабораторию.

А когда они пришли в лабораторию с ведром шихты, Шульц отдает им новое приказание: высыпать шихту из ведра в стоящее на столе фаянсовое корыто, а самим выйти в коридор и быть там до тех пор, пока он снова не позовет их. Данила Петрович и Сенька беспрекословно во всем ему подчиняются. Когда они вышли из лаборатории в коридор, Шульц повернул ключ в двери, заперся от них накрепко.

— Так, значит, — говорит Данила Петрович Сеньке. — Вот тут-то все и начинается, брат Сеня. Сейчас он начнет волшить, добавлять золото в шихту. Интересно, какое золото дали ему? Если песок, то тут проще дело, а вот ежели ему дали монеты, то он должен бы их сейчас рубить на мелкие кусочки, а потом уж засыпать в шихту.

— Тять, а дай я подсмотрю за ним, что он там делает, — говорит Сенька отцу.

— Да как же ты подсмотришь, когда он заперся от нас?

— А в щелочку или в замочную дырочку.

— Попробуй, только вряд ли у тебя с этим что получится. Сенька на цыпочках начал подходить к двери. Но, на его горе, в двери не оказалось ни единой щелки, а замочное отверстие загоразивал ключ. Тогда он прильнул ухом к двери и начал прислушиваться. Если нельзя ничего подсмотреть, то можно кое-что подслушать. И Сенька услышал.

Сначала ему слышно было, как Шульц открыл дверь шкафа, достал оттуда сначала одну бутылку, потом другую.

Потом он услышал, как немец наливает из бутылей в мензурку жидкость из той и другой. А из мензурки переливает в посудину, стоящую на столе. Потом начал туда опускать монеты одну за другой. Сенька начал было считать, сколько Шульц опустит монет, но вскоре сбился со счета, запутался.

Сенька так увлекся подслушиванием, что и не заметил, как Шульц повернул ключ в замочной скважине и открыл дверь. Сенька не успел отскочить вовремя, и дверь больно ударила его в лоб и в нос. Конечно, он тут же отпрыгнул от двери к отцу, но Шульц все же догадался, что Сенька подслушивал.

— Ты зачем стояль возле дверь мой лабораторий, маленький русский свинья, а? — грозно заорал он на Сеньку.

А Сенька не знает, что и сказать ему в ответ.

Тут на выручку к Сеньке пришел Данила Петрович.

— Да ведь мальчонок он еще, а дети — они и есть дети. Любопытны они, им дай всюду нос свой сунуть.

— А, он любийт свой нос совать? А мой не любийт, чтоб в мой дела всякий маленький русский свинья свой нос совайт. И если он еще раз будет стояль возле дверь мой лабораторий и слушайт и смотреть, что-мой делайт в лабораторь, то мой требовайт у генераль новый помощник. Ферштейн? Поняль? — кричит Шульц уже на Данилу Петровича.

— Понял, — отвечает Данила Петрович. — Больше он уже не будет стоять возле вашей двери. У него вон какая шишка вскочила на лбу, так вы шарахнули его дверью.

— И очень хорошо, что шишка вскочил! Он будет знайт, как стоять у мой дверь. Зер гут шишка! — засмеялся Шульц. — А теперь марш в лабораторий мой! Идийт сюда и будете делайт то, что мой скажет вам.

Данила Петрович и Сенька снова вошли в лабораторию.

Шульц дает Сеньке маленькую лопаточку, а Даниле Петровичу приказывает взять стеклянную банку с какой-то жидкостью.

— Ты, — говорит он Сеньке, — мешайт лопатка. А ты, — обращается он к Даниле Петровичу, — поливайт. Мешайт и поливайт, мешайт и поливайт. Хорошо мешайт и тихо поливайт!

Данила Петрович и Сенька начинают делать то, что им приказано.

А когда шихта в фаянсовом корыте была перемешана и жидкость в стеклянной посудине кончилась, Шульц отдает им новый приказ: высыпать шихту из корыта в ведро и нести обратно в составную. Данила Петрович взял ведро — Сенька мал, ему не по силам таскать такие ведра с шихтой, — и все вышли из лаборатории. Данила Петрович и Сенька шагали впереди, а Шульц важно выступал сзади. И тут Сенька заметил, что Шульц не запер почему-то дверь лаборатории, забыл или не посчитал нужным.

Когда они, все трое, пришли в составную, Шульц приказывает Даниле Петровичу и Сеньке, высыпать смоченную жидкостью шихту из ведра в ту, которая предназначена для варки его золотого рубина, и снова все перемешивать.

— Опять мешайт! Хорошо мешайт, долго мешайт! — командует он, а сам стоит и только поглядывает.

С Данилы Петровича и Сеньки катится пот градом, а Шульц все стоит и смотрит.

— Слушай, Данил Петрович, да пошли ты его к чертовой бабушке, борова этого толстого, пусть сам лопатой поворочает, мальчонка-то хотя бы сменил, — говорят ему золосеи.

— Не могу, ребятки, мы в полном его подчинении, — отвечает им Данила Петрович.

— Ну тогда отойди на минутку с мальчонком своим, мы это дело враз кончим. Нам эта работа привычна.

— Боюсь, ребята, как бы он не заорал на вас и на меня.

— А чего ему орать-то? Не все ли ему равно, кто лопатить шихту будет? А ну-ка, отойдите!

И золосеи, ребята молодые, здоровые, взяли у Данилы Петровича и Сеньки лопаты и приступили к шихте. Пяти минут не прошло, как все было сделано. И Шульц не только ни на кого не заорал, а даже заулыбался, глядя, как орудуют золосеи над его шихтой.

— О, гут работайт, хорошо мешайт, зер гут! — бормотал он себе под нос.

Когда шихта была перемешана как следует, Шульц приказывает таскать ее в гуту, засыпать в тот горшок, который он облюбовал для рубина. Золосеи и эту работу мигом проделали.

Наконец все горшки были засыпаны шихтой, Данила Петрович дал полный газ в своей печи и начал варку стекла и хрусталя.

Шульц с часок покрутился возле своего горшка, понаблюдал за работой Данилы Петровича, видит, все идет нормально, и говорит:

— А теперь мой придет нах хаус, квартир свой, и будет поспайт. А твой вариит и мой золотой рубин. И хорошо вариит, смотреть в оба глаз! Чтоб грязь в горшок не попадайт, твой отвечайт тогда перед генераль. Поняль?

И Шульц зашагал домой.

— Вот, брат Сенька, — вздохнул Данила Петрович, — какие наши с тобою дела. Он будет спать, а мы его работу делаем. И мы гроши получаем, впроголодь живем, а ему сто целковых в месяц будут выписывать в конторе.

— Недолго он будет их получать, — отвечает Сенька отцу. — Все равно я вызнаю секрет, и тогда генерал прогонит его, а мы с тобою будем сами варить этот проклятый золотой рубин.

— Ты уже вызнал, шишку на лоб он тебе посадил. А что ты узнал? Ровным счетом ничего.

— Нет, узнал! — горячится Сенька. — Кое-что, а узнал. Я слышал, как он наливал что-то из бутылей в посудину и как кидал деньги туда. А вот сколько он кинул и каких, я, правда, не знаю, со счету сбился.

— А хотя бы ты и не сбился со счета, то все равно нам от этого пользы ни на грош. Ведь деньги-то золотые разные бывают. И десятки, и пятерки, а изредка даже по пятнадцати рублей бывают. Вот мы с тобой и гадай, каких он набросал туда, на сколько рублей. А вот я, хоть я, не подслушивал у двери, как ты, а одну вещь узнал важную, — говорит Данила Петрович.

— Какую? — загорелся Сенька.

— А такую, что золотые монеты он растворяет сначала в царской водке, вот какую. Только в ней золото и растворяется. Вот это для нас важно было узнать на первый-то раз.

У Сеньки и глаза на лоб от удивления полезли.

— Тять, а эту водку цари пьют? — спрашивает он у отца. Данила Петрович усмехнулся.

— Дурачок ты еще у меня, Сенька, а еще хочешь немца перехитрить. Если бы цари хватили такой водки хотя бы по махонькой рюмочке, то они тут же и отдали бы богу души свои, все бы очоурились. Нет, брат, это она только так называется, а на самом деле это смесь двух кислот, азотной и соляной: одна часть азотной и три части соляной. И эта смесь такая едучая, что в ней даже золото распускается, словно сахар в кипятке. А ты вон что подумал: цари, дескать, ее пьют. Ладно, хватит об этом толковать, давай-ка за горшками наблюдать, особенно за немецвым. Ты слышал его наказ? Ежели что, то он генералу пожалуется: мы с тобою в ответе будем.

Сенька пошел на другую сторону печи, где у него были «свои» горшки — четыре горшка, которые отец отдал ему под наблюдение, а Данила Петрович остался по эту сторону, смотрел за остальными.

Данила Петрович во многом полагался теперь на Сеньку: Сенька многое уже понимал в стекловарном деле. Если у Сеньки в каком горшке варка не так шла, как нужно, он не всегда отцу говорил об этом; сам знал, отчего не рядом шло, быстренько исправлял неполадки, если это в его силах было, или отцу докладывал, когда сам управиться не мог.

— И все равно, тятка, я этого Жульца пережулю, я все визнаю, что нужно, — говорит Сенька отцу.

— Да ты не хвастайся прежде времени, аника-воин. Знаешь пословицу?

— Какую?

— А такую, старинную: «Не хвались на рать идучи, а хвались, с рати идучи».

— Слыхали мы это, — тряхнул головой Сенька. — И все же я тебе заявляю вот теперь: я у него секрет рубина этого визнаю.

— Вызнаешь — нам обоим легче будет, — вздохнул Данила Петрович, — на конюшню мы тогда не попадем опять. А нам и вызнаться-то не так много теперь осталось. Только одно: сколько золота нужно, чтобы получился рубин.

— Вот это я и визнаю! — сказал Сенька уверенно.

Глава седьмая

Чудеса происходят в прокальной печи

— Ну, Сенька, пропали мы с тобой, — говорит Данила Петрович сыну, когда варка хрусталя подходила к концу.

— Почему? — не понимает Сенька.

— А потому, что рубина-то не получается у немца. Смотри, хрусталь в его горшке, как и во всех горшках, доваривается, а он не рубиновый, а самый обыкновенный, бесцветный, — отвечает сыну Данила Петрович.

— Так при чем же тут мы? Он шихту сам составлял, сам ее поливал царской водкой, а мы только варили. Варили же мы как следует и его горшок.

— Варили, да не сварили, окраски нету.

Сенька все же никак в толк не мог взять, при чем тут они, если у немца не получилось сейчас золотого рубина? Шульц бы не уходил домой спать, а торчал бы тут возле своего горшка да и наблюдал, как варится его золотой рубин. А если станут разбираться, искать виноватого, то ведь и засыпщики скажут, что Шульц сам приходил в составную, сам наблюдал, как они смешивали шихту по его приказу.

— Все это так, сынок, а может, получится такое, что немец на нас все свалит, нам отдуваться с тобой придется, — продолжает вздыхать Данила Петрович.

Тут к ним подошли Степан Иванович с Павлушкою: им скоро заступать в смену.

— Ну как оно? — спрашивает Степан Иванович у друга. — Хорош рубин немец сварил?

— Варили-то его мы, немец на отдых отправился. А рубина никакого у нас не получилось, ни хорошего, ни плохого, — отвечает ему Данила Петрович.

Степан Иванович подошел к рабочему окну, у которого в печи стоял горшок с золотым рубином, открыл заслонку, внимательно посмотрел на сваренное в нем стекло.

— Да, никакой это не рубин. Не золотой и не медный. И даже на селеновый не похож, а самый настоящий бесцветный свинцовый хрусталь. Но колер хорош.

— Что колер! Надо, чтоб рубин был, а не колер. Боюсь я, как бы на мне с Сенькою это не отозвалось. Свалит немчуга свою оплошность на нас с Сенькою, скажет, что мы не так варили.

— Не падай духом прежде времени. Ничего вам не будет. Начальство разберется, кто прав, кто виноват. А я бы на твоём месте заранее доложил <о том смотрителю, рассказал, как и что. Это не помешает. Смотритель уже выше пусть докладывает, — советует другу Степан Иванович.

И Данила Петрович направился в конторку к смотрителю докладывать о происшедшем.

А в это время вот он и сам, Генрих Шульц, легок на помине — пожаловал, выспавшийся и напившийся кофе. И сразу к горшку своему. Шульц не только осмотрел сваренное в горшке через окно, но даже набрал на железный шест пробу, рассмотрел ее на свет. И не только не огорчился, а даже заулыбался и пробормотал себе в усы:

— О, гут! Прима, шён рубин!

И тут же пожал руку возвратившемуся от смотрителя Даниле Петровичу, поблагодарил его.

— Данке шён! Спасибо, — говорит Шульц Даниле Петровичу. — Твой гут сварил мой рубин, твой гут стекловар.

Ни Данила Петрович, ни Сенька, ни Степан Иванович с Павлушкой ничего понять не могли. Подошел к печи смотритель.

— Иди домой отдыхать, Петрович, а мы тут разберемся, что к чему, — говорит смотритель Даниле Петровичу. — Твое дело теперь сторона. Наверно, его превосходительство сам пожалует сюда посмотреть, что у немца получилось. А ты иди спать.

У Данилы Петровича и гора с плеч. Он и Сенька давай бог ноги, поскорей домой, восвояси.

А зря они поторопились, напрасно не остались посмотреть, что будет делать дальше со своим золотым рубином Генрих Шульц у прокальной печи. Именно тут-то и начиналось чудо из чудес: в прокальной печи рубин становится рубином.

Шульц потребовал у смотрителя, чтоб в прокальной печи отвели отдельный угол для его золотого рубина. И не отходил от прокальной печи ни на шаг все время, пока мастера не выработали сваренное в его горшке. Он сам принимал от подносчиков посуды каждую рюмку, каждую вазу, розетку и все укладывал по своему порядку в печи. И смотрел, смотрел за отжигом изделий.

В печах отжига не такой сильный огонь, как в ванной и горшковых печах, — там горят обыкновенные дрова. И посуда тут постепенно охлаждается, переходит от сильно раскаленного состояния к более слабому — в этом вся суть прокали. Наружные и внутренние стенки изделий охлаждаются тут не сразу, а постепенно, чтобы дать возможность постепенно остывать и сжиматься и внутреннему слою изделий. Такой отжиг — закон из законов для стекольщиков; его знают даже ребятишки, работающие с отцами в гуте.

Так неужто Шульц думает, что без его участия рабочий, ведающий отжигом, не мог бы проследить за прокалкой изделий и из его золотого рубина?

Нет, этого Шульц не думает. Не потому он крутится у печи, мешает работать другим, что не двреряет прокалку своего рубина другим. Если тутошний стекловар сварил ему золотой рубин так хорошо, как и он сам не всегда сварит, то рабочий у прокальной печи и подавно прокалил бы всё, что тут есть из его рубина, как следует.

Нет, у Генриха Шульца другая задача, которую он сегодня должен тут выполнить сам, и только он! Он решил ошеломить этих русских, генерала в том числе, и генерала даже в первую очередь: доказать им, что такого мастера-стекловара, как он, Генрих Иоганн Шульц, они не видели и не увидят никогда! Шульц следил не за отжигом изделий из золотого рубина, а за тем, как происходит набегание окраски на изделия из него.

Как набегает окрашивание золотого рубина в прокальной печи?

Михаила Васильевич Ломоносов в своих записях говорит, что окрашивание «алого стекляруса» происходит постепенно, исподволь. Так оно получалось сейчас и у Шульца. Сначала на изделиях появляется синеватый оттенок, потом фиолетовый, за фиолетовым бледно-розовый и розовый и только в конце ярко-рубиновый, так называемый хрусталь цвета голубиной крови, самый прекрасный и самый дорогой вид рубина из всех, которые вырабатываются на стекольных заводах.

Конечно, Шульц хорошо знал, что генералу больше по душе придутся два последних рубина, розовый и цвета голубиной крови. Но он решил пустить пыль в глаза, удивить генерала, дать ему все оттенки хрусталя, какие только есть, от синеватого до ярко-пунцового. А для этого ему было нужно только отложить по нескольку штук изделий каждого оттенка, как только они наберут должную окраску, в сторонку от огня, и вся тут недолга. Первых двух оттенков, синеватого и фиолетового, он отложил понемногу, штук по десяти; розового и бледно-розового отложил побольше, десятка по два, ну а остальное оставил возле пламени до полного набора цвета; тут уж он отошел от печи: теперь пусть без него управляется тот, кто у печи постоянно находится. И как-то так получилось, что работающий у печи человек так и не понял, почему немец отложил первые изделия раньше времени. Он подумал, что: Шульц нашел в них какой-то изъян и забраковал.

Шульц потребовал затем, чтобы его изделия поставили на отдельный столик в переборном чулане, присоединил к ним потом и последний сорт, когда он дошел, набрал полную краску под огнем. Теперь пусть приходит генерал — Шульц готов встретить его.

А что Мальцев вот-вот сюда пожалует, чтобы посмотреть, что получилось у него с золотым рубином, Шульц не сомневался.

И предположения его оказались верными...

Глава восьмая Шульц торжествует

Мальцеву о «неудаче» Шульца доложили тут же, как только увидели, что в горшке немца никакого

рубина нет, что там самый обыкновенный, бесцветный свинцовый хрусталь.

— Ах, будь он неладен, немецкая его образина! — вскипел Мальцев. — Пропали мои сто целковых! Ну уж я его сейчас, подлеца, и расчихвощу, будет он у меня знать, как варят золотые рубины!

Конечно, Мальцев знал, что в стекольном деле всякое бывает и у хорошего стеклоvara может неполадка быть. Но тут не только варка всего горшка на ветер пошла, а золото — золото на сто рублей в трубу вылетело, шутка ли!

И Мальцев туча тучей заявился в гутенский цех. Его сопровождали управляющий хрустальной фабрикой, смотритель, главный управляющий всеми заводами и другие чины фабричные.

— Где он, этот разбойник? — грозно спрашивает Мальцев.

— Наверно, в переборном чулане, ваше превосходительство. Все время крутился возле прокальной печи, волшил там что-то, а потом подался в переборку, — отвечает ему смотритель.

— Ах, в переборке! Ну в переборке я и учиню ему проборку. Пошли, господа, туда!

И Мальцев, а за ним и вся его свита направились в переборный чулан, где сортировалась посуда.

Шульц был там. Он только что заканчивал расстановку изделий из своего рубина; вид у него был самый довольный, он даже улыбался себе в усы и бормотал:

— Гут, гут... Зер гут! Шён унд прима...

— Посмотрите на него, подлеца этого, господа: он еще и улыбается! — говорит Мальцев своей свите, заприметив Шульца еще издали. — Ну, сейчас он перестанет улыбаться, сейчас он у меня скиснет мигом. А ну-ка, чертов ты Жульц, хвались, показывай нам, что ты сварганил мне, каков твой знаменитый золотой рубин? — грозно вопрошает генерал.

— Битте шён, герр генераль! — бодро отвечает ему Шульц. — Пожалуйста, вот мой золотой рубин, разный цвет. Какой вам лутьше кажийсь?

Мальцев таращит глаза.

— Как? Все это золотой рубин?

— Да! — отвечает ему Шульц.

— Да ты во скольких же горшках варил его? В пяти?

— Мой вариль один горшок, — говорит Шульц.

— Ничего не понимаю! В одном горшке у тебя получилось столько сортов?

— Да, — отвечает Шульц.

— Как же. это так получилось-то у тебя?

— Это секрет мой. Дело мастера боится.

— Ага, понимаю! — засмеялся Мальцев. — Ну, брат, тогда я тебе вот что скажу: ну и дока же ты! Не зря, выходит, я притащил тебя сюда, не зря я деньги буду тебе такие большие платить. Молодца, брат, молодца! Разуважил ты меня. Я хотел тебе проборцию устроить, нагоняй хороший дать, а ты вот какой фортель выкинул, мне впору у тебя пардону просить. Спасибо, Гендрик, спасибо, Жульц! Рубины твои по душе мне пришлись, особенно вот эти, розовые и яркопунцовые, ты их и вари. А вот эти, синеватый и фиолетовый, не надо, эти не нужны мне.

— Слушаюсь, герр генераль, — отвечает Мальцеву Шульц.

— Да, господа, — обращается Мальцев к свите, — а как же это у вас получилось, что вы в заблуждение меня ввели, а? Ведь вы мне сказали, что немец горшок запарол, рубина у него не вышло. И кто в этом повинен, хотел бы я знать?

Смотритель смены, тоже стоявший тут, побледнел.

— Ваше превосходительство, я первый доложил о том господину управляющему, а уж он по дистанции вам передал, — лепечет смотритель.

— А на каком же ты основании такой доклад сделал управляющему, а? — грозно вопрошает Мальцев.

— Да ведь в горшке-то у него хрусталь бесцветный, я потому и поднял тревогу.

— Не может того быть!

— Ваше превосходительство, можете убедиться в том сами, если вам будет угодно пройтись до горшковой печи; мастера там еще и половину его горшка не выработали.

— А ну, давай туда!

И Мальцев, а за ним и вся свита направились в гуту, к горшковой печи номер два.

— Вот в этом горшке он варил, ваше превосходительство. Смотрите, каков он тут, рубин этот его, — говорит смотритель генералу.

— Что за наваждение! Действительно, тут хрусталь бесцветный. Как это так, господа, а? Тут

бесцветный, а там пять цветов!

Но управляющие только плечами пожали.

— На этот ваш вопрос может ответить только тот, кто варил его, Шульц, — говорит Мальцеву главный управляющий всеми заводами.

— Верно! Только он, — соглашается Мальцев. — А ну-ка, кликните его сюда ко мне!

Смотритель рысцей метнулся в переборный чулан за

Шульцем. Минуты не прошло, как он и Шульц уже стояли перед генералом.

— Слушай-ка, Гендрик Иванович, объясни-ка ты нам, да только не юли, по правде всей, как это так выходит? Тут у тебя никакой не рубин, а самый обыкновенный хрусталь. Так почему же там у тебя такое, что не только один, а целых пять рубинов стоит? — спрашивает Мальцев у Шульца, да таким тоном, что Шульц понял, что сейчас в прятки уже нельзя играть, надо говорить правду, если не всю, то хотя бы половину.

— Герр генераль, рубин получается не в один минут, надо время, чтоб он рубином становись. Одна печка для него мало.

— Ага! Понятно. Значит, в прокальной печи ты его довариваешь, так, что ли?

Шульц видит, что генерал ничего не понял, но ему это и на руку. Он не стал пояснять генералу, как и что происходит с рубином в прокальной печи, а только кратко ответил ему:

— Так точно, герр генераль, мой варийт рубин и там.

— Ну и чудеса ты учиняешь, Гендрик, ну и колдуешь ты тут у меня, вижу я, — засмеялся Мальцев.

— Ну, колдуй, колдуй, лишь бы у тебя всегда так хорошо получался рубин, как сегодня. И так ты сегодня разуважил меня, что я, пожалуй, даже награжу тебя сейчас.

И Мальцев полез в карман своего кителя, вынул оттуда портмоне, достал из него серебряный рубль и подал его Шульцу.

— На, Гендрик, пользуйся моей добротой, — говорит он Шульцу. — Я редко кого такими рублями одариваю. И учти еще то, что мои рубли счастливые. С этого моего рубля разживешься ты так, что богаче меня, пожалуй, станешь. И еще вот какой тебе будет от меня наказ: ты не каждый день вари этот рубин, а этак в неделю разика два-три. В общем, тебе скажут, когда варить, а когда и повременить. А то мне и прогореть недолго, если ты зарядишь на каждый день его варить и каждый раз я должен выдавать тебе по сту целковых золотом. А еще неизвестно, какой на него будет спрос. Вот пошлем образцы в города разные, понравится он покупателям, будет на него спрос, тогда и каждый день можно варить, лишь бы себе не в убыток. Понял? Согласен?

Еще бы Шульцу не согласиться! Да Шульц и сам думал об этом как-нибудь с генералом поговорить. Каждый день он не сможет по двенадцати часов возле печи торчать. Он не крепостной раб у генерала, он не русский, а немец, мастер-стекловар. У него особый распорядок дня должен быть.

— Зер гут, герр генераль, мой согласен, — кратко ответил Шульц Мальцеву.

— Ну и будь пока здоров, Гендрик, — закончил беседу генерал и направился к выходным дверям.

А за ним и вся свита. Только смотритель остался в гуте, ведь у него смена еще не кончилась да и не скоро еще конец ей будет.

Шульц же гоголем прошелся возле печи Степана Ивановича, окинул его взглядом победителя: что, дескать, плохой я рубин сварил?

Степан же Иванович только сплюнул в досаде.

Глава девятая

Шульц гуляет, мечтает и хорохорится

Целую неделю после своей первой варки прохлаждался и гулял по Дятькову Генрих Иоганн Шульц, пока там, в главном управлении и в конторе фабрики, решали как, и что, и сколько в будущем выработать из нового сорта хрусталя. Шла вторая половина февраля, но морозцы все еще держались, и Шульцу в его заграничном пальтишке было зябковато. Он страдал от холода, пока его не выручил генерал.

Как-то ехал Мальцев по главной улице села на своей тройке и вдруг видит: идет его Гендрик Шульц, свежившийся от мороза, словно поросенок шелудивый.

— А ну-ка, стой, — скомандовал Мальцев кучеру. Тот мигом осадил коней.

— Эй ты, Гендрик Иванович, давай живым манером сюда! — кричит Мальцев Шульцу.

Шульц мигом подбежал к саням его превосходительства.

— Ты что же это разгуливаешь в своем пальтишке на рыбьем меху, а? Думаешь, тебе это Богемия, да? Нет, брат, это Расея наша, а не Богемия, где зимы считай что и нету. У нас же ты в своем доломане живо очуришься, если вот так разгуливать будешь. А ну-ка, садись скорее в санки ко мне!

Шульц сел рядом с генералом.

— В магазин одежный! — командует генерал кучеру. Кучер тронул лошадей и направил их в ту сторону, где находился магазин с красным товаром. У Мальцева не только в Дятькове, а и в других его владениях были свои магазины с разными товарами, но в Дятькове они были самые большие. Подъехав к магазину, где торговали одеждой, обувью и платьем, Мальцев легко выскочил из саней, приказал Шульцу следовать за ним, а кучеру ждать у дверей магазина.

— Слушайте-ка, вы, олухи царя небесного, — говорит Мальцев подлетевшим к нему с поклонами приказчикам. — Вот этого самого Гендрика надо одеть по-нашему. Чтоб он не простудился тут у нас. Видите, как он продрог в пальтишке-то своем?

— Во что прикажете, ваше превосходительство? — спрашивает старший приказчик.

— «Во что, во что»! Сам не знаешь во что, что ли? Я же сказал: по-нашему, на русский образец. Дайте ему шубу из романовских овчин, шапку меховую хорошую, валенки-чесанки, шарф и рукавички. Понятно?

— Так точно, ваше превосходительство, понятно. Сейчас все будет выполнено.

— Да по росту ему шубу-то подберите, шапку по башке, валенки по ноге, чтоб он на человека был схож, а не чучелом выглядел, — говорит Мальцев.

— Все будет согласно вашему приказанию, ваше превосходительство!

И Шульц мигом преобразился, стал похож уже не на немца, а на русского купца этак среднего достатка. И такая теплынь охватила его кругом, ну словно он в ванну залез. И шуба ему по душе пришлась, и шапка, но особенно хороши были валенки и рукавицы. Валенки были белой шерсти, с красным узором по голенищам, рукавицы желтые и тоже с узором красным, а внутри мягкие да теплые, ну тебе пух лебяжий.

— Ну как? — спрашивает его Мальцев. — Теплей стало?

— Гут, герр генераль! — ответил ему Шульц. — Сколько мой должен платить за всё такой?

— Да ладно, дурья твоя голова! — смеется Мальцев. — Сочтемся потом, при расчете. Буду тобой и впредь доволен — подарком это будет тебе от меня. Ну, а если не угодишь, то уж не обижайся — вычтут из жалованья. Но ты не беспокойся, не ограблю я тебя. А вот ты-то ограбил уже, поди, меня? Признайся по совести, ведь не все сто целковых золотых убухал ты в свой горшок, когда варил рубин этот, а?

— Герр генераль, я вам уже говорил, что Генрих Иоганн Шульц честный человек, — обиделся снова Шульц.

— Ну ладно, ладно, чего обижаешься-то? Честный так честный, потом поглядим, какова она, честность-то твоя. Будь здоров! — закончил разговор Мальцев, вышел из магазина, сел в сани и покатил дальше по своим делам.

А Шульцу завернули его старое пальтишко в бумагу, перевязали бечевой; он с ним и зашагал своей дорогой.

С того дня Шульц разгуливает в новом одеянии по Дятькову, не боясь никаких морозов и вьюг. Он побывал в Дятькове чуть ли не повсюду, заглядывал на все улицы и во все уголки. Был он и в магазинах, и в чайных, и трактирах, наблюдал, как напивались с горя и нужды хрустальщики, расходуя последний грош на зелено вино. Мальцев не только не препятствовал пьянству, а даже поощрял его. Ведь ему от этого только польза была: те гроши, которые он выплачивал своим крепостным, благодаря сивухе быстрее к нему в кассу возвращались. Шульц и сам присаживался в трактирах и чайных, заказывал себе стаканчик-другой «русского шнапсу», но больше налегал на пиво. Пиво у Мальцева варили знатное, крепкое.

Но больше всего Шульцу полюбилилось расхаживать по главной аллее, ведущей ко дворцу генерала, любоваться коттеджами, в которых жила фабрично-заводская аристократия из иностранцев: управляющие, инженеры и главный лесничий. Шульц смотрел на коттеджи и думал:

«Вот бы и мне такой коттеджик! Тогда бы можно было тут остаться еще годика на два, на три... Выписать сюда жену, детей, и живи-поживай! А что? Совсем бы не плохо можно было тут жить».

И особенно понравилось Шульцу заглядывать в Дом для приезжих, где останавливались управляющие и инженеры с других заводов Мальцева, приезжавшие в Дятьково по делам, купцы из Москвы, Петербурга, Харькова и других городов. Комнаты для гостей были на втором этаже, а внизу

размещались гостиная, столовая, бильярдная, кухня и буфет. Вот уж где было хорошо — так это в столовой и буфете! Ну прямо рай земной! И чего тут только не было! Тут и водка была не такая, как в трактирах, а особо очищенная. Тут были и заграничные вина, вплоть до настоящего французского шампанского, даже рейнвейн можно было получить. А уж кушанья тут готовили — просто пальчики оближешь!

За чайным столом всегда главенствовала изумительно красивая дама, жена какого-то высокого чина из мальцевской администрации. Она сама наливала чай, дарила всем очаровательные улыбки. Все входившие, здороваясь, целовали ей ручку.

Расплачивались с ней полными кредитками; она получала за все — за обеды, за чай и прочее. Она была тут хозяйка всему. Шульц обедал здесь, правда, изредка, но слегка выпить и кое-чем подзакусить он тут любил, тем более что сюда иной раз заходил и свой брат немец покалякать на родном языке о том о сем. И, уж конечно, Шульц не настолько был богат, чтоб расплачиваться полными кредитками. Он требовал точного расчета, платил столько, сколько полагалось, вплоть до копейки. И, несмотря на эту его манеру расплачиваться, хозяйка стола дарила и его такой же ласковой улыбкой, что и остальных клиентов.

Сейчас была масленица — неделя, когда на всей матушке-Руси пекут блины, и в столовой Дома для приезжих также каждый день подавались блины.

И бог ты мой, что это были за блины! Шульц и не предполагал, что это такое вкусное блюдо. Тут были блины и гречневые, так называемые крупитчатые, были и белые, из первосортной пшеничной муки. И с чем твоя душа желает: с коровьим маслом, со сметаной, с селедкой, с разной икрой — красной кетовой, паюсной и зернистой. Зернистая и паюсная были Шульцу не по карману, а вот селедочка и красная кетовая были его; он всегда заказывал к блинам селедку или кетовую икру. И, конечно, маленький графинчик водочки, кружки две, а то и три пива на запивку. Блины ему больше нравились гречневые, они не так были тяжелы да и стоили в два раза дешевле, чем белые.

— Гут! Зер гут русишь блины, — шептал Шульц себе под нос, поглощая порцию за порцией гречневых блинов.

И у него опять возникала мысль: а не поговорить ли с генералом о продлении контракта, когда истечет срок этому, не вызвать ли ему из Богемии жену? Правда, тут нет кирки, а его Эльза любит посещать кирку, но пастор, говорят, где-то тут обретается, требы он справляет.

«Да ведь не одни же мы тут будем жить, тут нашего брата полно, — рассуждал Шульц, сидя за столом в Доме для приезжих его превосходительства. — Если годков пять-шесть тут поработать, то можно и капиталец сколотить, вернуться на родину и небольшую хрустальную фабричку свою открыть...»

Глава десятая **Самая веселая неделя в году - масленица**

Так уж повелось испокон веков на Руси, что самая веселая неделя в году — широкая масленица. И так уж ведется, тоже испокон веков, что на масленицу обязательно во всех избах, хатах и домах должны печься блины. А к блинам полагалось иметь масло коровье, а у кого такого не находилось, обходились конопляным или подсолнечным. И рыба соленая — сельдь и тарань, рыба свежая — карп и лещ, судак и налим, белуга и осетрина — тоже полагались к масленичным блинам. Конечно, свежая рыбка ценой кусается, она бывает доступна только тем, у кого карман толст да мошна туга. Беднота же обходилась только соленькой — селедочкой да таранью, да и такую ели не каждый день масленицы. Селедку жарили на конопляном или на подсолнечном масле, она тогда еще солоней становится и ее не так много съешь, зато воды после прямо обопьешься. А из тарани варили холодец, так прямо, не очистив, с чешуей и кишками. Холодец тогда тоже солон и горчит слегка; его тоже не много съешь. Всяк по одежке протягивал ножки, справлял масленицу по своим силам и средствам.

И блины были у всех разные. У богачей белые пшеничные да крупитчатые, а у бедняков — из простой гречневой муки, из гречихи, смолотой вместе с кожурой. Бедняк и такому блину рад, с голодухи и такой блин хорош, особенно со сковороды.

И тоже со старины так повелось, чтоб на масленой с горы и на тройках кататься. На тройках-то катались опять-таки богачи, у которых лошади в конюшнях стояли. А бедняки с гор катались: детвора — на саночках, взрослые — на больших санях.

И пили сивуху во всех дворах, пели песни масленичные, веселились всюю на всей матушке-Руси

перед долгим постом. Весело проходила масленица и во владениях генерала

Мальцева. Генерал, как всегда на масленицу, приказал выдать каждой рабочей семье блинной муки по числу рабочих в семье и по качеству работников, отпустить водки, селедок и тарани. Если в семье были мастера первой руки, им выдавалось по пуду пшеничной крупитчатой муки, по ведру водки, по бочонку селедок и по рогожному кульку тарани; тарань продавалась всегда в рогожных кульках. А если семья была так себе, не было в ней хороших мастеров, все работали на подсобных работах, — таким выдавалась простая гречишная мука и соответственно меньшее количество сельдей и тарани, водки по полведра, а то и вовсе по четверти: большего они не стоят, хватит им и этого.

— По барину — говядина, по башке и шапка, — говаривал генерал.

А беднота и тому рада была, все же и у них был праздник.

Мальцев отлично понимал, что рабочему человеку надо и повеселиться иногда. Потому-то он и не скупился на праздничные расходы для своих крепостных — все это они отработают ему с лихвой. Он и сам принимал участие в народном веселье, появлялся на народе то там, то тут. Его тройка носилась вихрем по большой дороге из Дятькова в Людиново, из Людинова — в Любохну. Мальцев выскакивал из санок своих, присоединялся к катающимся с гор, валился вместе со всеми на большие сани, на которых катались молодые рабочие, гоготал, даже сани вместе со всеми тащил обратно в гору. Вот, дескать, какой я простой, я такой же, как и вы все! Конечно, кто поумней да пограмотней, те понимали цену такой «простоты», смекали, для чего вся эта комедия делается. А другие, попроще которые, были рады-радешеньки. Как же, с самим его превосходительством в одних санях с горы скатились!

Последние три дня масленой недели по приказу генерала его фабрики и заводы не работали. На Дятьковской хрустальной в эти дни работала только ванная печь: ее останавливать было нельзя.

Высшие служащие — управляющие, инженеры и бухгалтеры — веселились особо, у них свой круг был. Они раскатывали по улицам Дятькова, Людинова, Любохны и других сел и рабочих поселков на тройках, парах и на одиночных рысаках, кому что по вкусу, собирались в свой клуб: для них в Дятькове был построен большой клуб на главной аллее, где ставились спектакли, устраивались концерты, играл духовой оркестр. Был при клубе и роскошный буфет. Самых важных из них приглашал к себе на блины во дворец генерал.

В Дятькове был и Народный дом для простолюдыя, тоже большой. Он стоял на главной площади села, чуть не рядом с собором. При нем была и чайная. Но ему было далеко до того особняка, где собиралась «белая кость», до клуба высшей фабрично-заводской знати, куда вход для рабочего люда был строго воспрещен.

Хороша была масленица в этом году в Дятькове! Морозы сломились, дело подвигалось к весне, днем было не больше пяти градусов мороза — самый раз кататься с горы, носиться на тройках по улицам. И все веселились кто как мог.

Только одному человеку в Дятькове в этом году не весело было на масленицу — Даниле Петровичу Грачеву, лучшему стекловару на хрустальной фабрике его превосходительства. Не до веселья было ему, бедняге. Сенька его, точно жеребенок молодой, носился по улице как угорелый, катался с друзьями то с одной горы, то с другой, даже подраться кое с кем сумел. А вот отцу-то его час от часу становилось все грустней.

Анна Николаевна, жена Данилы Петровича, с тревогой смотрела на мужа, пыталась вызнать, отчего он такой грустный стал.

— Что ты, Данила, такой невеселый, будто потерял что или похоронил кого? Ты скажи мне: что тебя мучает? — спрашивала она его.

— Ах, отстань ты от меня! — отвечал ей Данила Петрович. — Ничего я не терял, никого я не хоронил, но и не нашел еще того, что найти мне край как нужно.

— А ты мне скажи, что тебе найти-то нужно, может, я тебе пособлю? Ведь я тебе не чужая, — приставала к нему Анна Николаевна. — Может, ты все позор свой никак не можешь позабыть, что генерал тогда на конюшню спровадил тебя? Так ты же в том не повинен, и не одного тебя он туда спроваживал, таков уж он зверь.

Данила Петрович только рукой махал, словно от мухи надоедливой отбивался.

И Анна Николаевна умолкала, только тихонько вздыхала, глядя на мужа.

Зато Сенька никогда не спрашивал отца, почему он скучный такой. Сенька-то лучше всех знал, что мучает его тятку.

— Да брось ты, тять, кукситься, — говорил он не раз. — Ну что ты нос повесил? Я тебе честное слово даю, вот как хочешь забожусь, что я помогу тебе вызнать у этого чертова Жульца все секреты

его. Вот увидишь.

— Каким это образом, хотел бы я знать? — грустно спрашивал Данила Петрович.

— Ну я еще не знаю и сам, как это у нас с ним выйдет на деле, а только я его обведу, как он ни прячась от нас. Ишь леший какой! Самому же кто-то показал, как и что, чтоб получился этот проклятый золотой рубин, а вот как с другими поделиться — так не хочу? Ну нет, брат, не на таких напал! Пусть только он опять приступит к варке, так и недели не пройдет, как я все вызнаю у него.

— Ты уже один раз «вызнал». Получил гулю на лоб? Как бы он тебе другую туда же не присадил.

— Не присадит!

Сенька и сам не понимал отчего, но почему-то был уверен, что они с тяткой тоже скоро научатся варить золотой рубин. Подумаешь, невидаль какая! Всякое стекло они варят, а это не смогут? Да быть этого не может!

Данила Петрович хоть и не принимал слова сына всерьез, а все же ему немножко легче становилось. Ведь, собственно-то говоря, им не так и много теперь разузнать осталось. Когда Шульц поливал жидкостью шихту, которую они принесли к нему в лабораторию, тут и гадать не нужно было, что это такое. Каждый стекловар мог бы сразу понять, что это царская водка, а в ней растворенное золото.

Не трудно было понять Даниле Петровичу и того, что получилось у Шульца с его рубином в прокальной печи. Когда Степан Иванович передал ему в подробностях разговор Шульца с генералом, Данила Петрович сразу понял суть дела.

— Врет он все, этот Жульц, — сказал Данила Петрович, выслушав рассказ друга. — Никакого доваривания в прокальной печи быть не может, жар у ней не тот. Просто он пыль пускал в глаза генералу, цену себе набивал, ну, а заодно и в заблуждение его и нас ввел.

— Тогда почему же у него в одном горшке пять сортов получилось? — спросил Степан Иванович.

— Вот этого я тебе не могу сейчас объяснить, а одно для меня тут уже ясно: краски набегают в прокальной печи.

— Но если бы одна набегала, а то ведь пять оттенков?

— Значит, он там что-то делал с посудой из этого рубина своего. Видимо, он часть держит поодаль от огня, а часть — поближе к огню. Так мне пока думается.

Данила Петрович как в воду глядел, в точности разгадал, что делал Шульц со своим рубином в прокальной печи.

— Главное для меня сейчас, не в этом. Главное — узнать, сколько золота надо класть в шихту, чтоб получилось то, что требуется, — продолжал Данила Петрович.

Да, главное именно в этом. А как узнаешь? Ведь и для Шульца главное, чтобы именно это не узнал никто. И Данила Петрович это хорошо понимал.

«А Сенька что ж... Сенька еще ребенок, он по-детски еще на все смотрит. «Вызнаю», — говорит. А поди-ка вызнай, голубок! Не так-то это легко. Он тебе, Жульц этот, даст «вызнаю!»»

А время-то идет, на месте не стоит. До пасхи — срока, к которому Данила Петрович должен не только секрет вызнать, а и самому выучиться варить золотой рубин, — остается каких-нибудь семь недель.

Вот что мучило сейчас Данилу Петровича, вот о чем были все думы его и вот почему одному ему не было весело в эту самую веселую неделю в году, в широкую масленицу.

Глава одиннадцатая У Сеньки опять неудача

На первой неделе великого поста, в так называемый «ницовый понедельник», — ницовым его называют потому, что в этот день, после трехдневной пьянки и гульбы, большинство православного люда лежит, как говорят, ниц лицом, мучаясь от головной боли, — Генрих Иоганн Шульц получил приказ из конторы фабрики варить снова золотой рубин, да не в одном горшке, а сразу в двух. И золото ему на этот раз выдали не в монете, а в песке, причем об этом никто, кроме Шульца да кассира, не знал.

Данила же Петрович и Сенька полагали, что Шульц опять будет в царскую водку пятерки с десятками бросать.

И горшки, в которых Шульц должен на сей раз варить рубин, стояли не рядом, а порознь. Это потому, что в конторе было решено вырабатывать изделия не из одного чистого золотого рубина, а из двух сортов, простого стекла и рубина, так называемый «хрусталь с надцветом». Рубин будет верхним слоем как надцвет. Изделия не потеряют красоты, зато будут дешевле. Из двухслойного стекла при

нанесении граней получают дивные вещи, лучше даже, чем из одноцветного, более дорогого: их можно разделять алмазной гранью, украшать граверными узорами. Горшки для Шульца были подготовлены: один — по одну сторону печи, другой — по другую. Шульц начал было ворчать на зрителя, но тот ему ответил, что таково распоряжение высшего начальства. Делать нечего, надо покоряться.

Как и в первый раз, Шульц появился в гуту часа за два до начала варки. Данила Петрович и Сенька опять припоздали, да они ведь и не знали, когда Шульц снова приступит к работе. Шульц на этот раз обошелся без брани.

Шихту для своих горшков Шульц осмотрел еще до прихода Данилы Петровича и Сеньки; шихта показалась ему вполне качественной. А когда Данила Петрович и Сенька появились в цеху, Шульц направился с ними в составную. Только теперь он приказал им насыпать не одно ведро шихты, а два — для смешивания с раствором в лаборатории. Все шло чин чинком, как и при первой варке, только работенки вдвое стало больше для Данилы Петровича и Сеньки.

И так же, как и тогда, при первой варке, Шульц, перед тем как начать растворять золото в царской водке, выставил своих помощников за дверь.

— Форт! Форт! — скомандовал он им.

И вот тут произошло неожиданное: в коридоре оказался почему-то один Данила Петрович. А Сенька пропал, ну вот словно сквозь землю провалился. Куда он исчез, этого не только Шульц, а даже Данила Петрович не углядел.

«Неужто он в лаборатории остался? — недоумевает Данила Петрович. — Неужто он затаился там, чтоб за Шульцем подглядывать? Так, кажись, там и негде запрятаться ему, нешто только под стол как юркнул... Ах, пострел этакий! Углядит его немец, влетит ему от него».

Данила Петрович угадал. Сенька действительно остался в лаборатории Шульца и сидел именно под столом, на котором Шульц волхвовал с раствором. Как он умудрился незаметно нырнуть туда, понять невозможно. И что удивительней всего, Шульц именно за Сенькою-то больше всего и наблюдал. И почему Шульц не углядел, что в коридор вышел только один Данила Петрович, а Сенька где-то застрял, тоже понять нельзя. Бывает же так, что и самый бдительный глаз, а проморгает. «Бывает проруха и на старуху» — говорит старая пословица.

Шульц делает свое дело на столе, а Сенька сидит под столом и прислушивается к тому, что на столе делается...

Сенька не только шевельнуться — дыхнуть как следует боится, он весь в слух превратился. Он слышит, как булькает жидкость из бутылей в посудину, как сопит Шульц.

«Так, — думает Сенька. — Это, значит, он водку эту самую царскую сейчас составляет, а потом станет монеты туда опускать. Надо только мне теперь хорошенько считать, со счету не сбиться, как тот раз, узнать, сколько он туда будет кидать их».

Но, к удивлению Сеньки, сегодня почему-то не слышно, как Шульц опускает золотые монеты в посудину с царской водкой, а что-то делает другое, а что — не понять.

«Что ж он делает-то там сегодня?» — недоумевает Сенька и начинает потихоньку высовывать голову из-под стола.

И Сенька видит, что Шульц устанавливает на столе какие-то маленькие весы, ну совсем крошечные, тарелочки меньше блюдечка чайного. На одну тарелочку Шульц ставит малюсенькие гиречки, а на другую сыплет из бумажного пакетика золотой песок. И так осторожно сыплет, боится просыпать хоть бы песчинку одну.

«Ах, вот оно что! — догадался Сенька. — Сегодня ему дали не монеты, а песок золотой. Так... Теперь мне, значит, надо углядеть, какие он гирьки положил на ту тарелку весов».

Но вот это-то ему подглядеть и не с руки. Тарелка весов, на которую Шульц гирьки положил, пришлась как раз не к тому краю стола, из-под которого осторожно выглядывал Сенька, а к середине стола. Сеньке было бы подождать, когда Шульц кончит взвешивание и начнет снимать с тарелки гирьки, но он об этом не догадался, а решил еще побольше высунуть нос из-под стола, авось тогда ему будет видно все.

А в коридоре Данила Петрович с замирающим сердцем прислушивался к тому, что происходило в лаборатории Шульца. Что Сенька тоже находился там, в этом у Данилы Петровича сейчас не было и сомнения. Где же ему и быть, как не там?

И тут в лаборатории раздался дикий рев. Словно туда забрался матерый медведь и его там вместо меда угостили царской водкой. Это, конечно, взревел Генрих Иоганн Шульц, углядевший Сеньку под

столом.

— Ах ты, паршивый свинья! — орет Шульц. — Твой подглядывай за мной, да? Маленький свинья ты! Мой твой сей минут будет убивайт!

«Господи ты боже мой, да он и в самом деле как бы не уколошил его там, — ужаснулся Данила Петрович. — Ишь какой разбойник, ему человека убить раз плюнуть!»

И Данила Петрович начал колотить в дверь что есть мочи. Дверь открылась, и Шульц вышвырнул за ухо из лаборатории Сеньку.

— Получайт свой маленький свинья! — орет Шульц на Данилу Петровича. — И больше его нога не ступайт порог мой лабораторий, твой будет мешайт шихту один всегда!

А Сенька, отскочив от Шульца подальше, смотрел на него злобно, потирал горевшее, словно в огне, ухо и шептал себе под нос:

— Все равно ты не упрячешься от меня! Все равно я все вызнаю.

Но этих его слов не только Шульц, а даже Данила Петрович не слышал. Шульц впустил в лабораторию только одного Данилу Петровича, а Сенька остался в коридоре.

«Ну что ж, авось в другой раз мне и повезет. Москва не сразу строилась, говорят старики», — утешал Сенька сам себя.

А как ему может повезти в другой раз, на что ему надеяться, он и сам не знал.

Вышли из лаборатории Шульц и Данила Петрович и направились в составную. Данила Петрович нес одно ведро с шихтой, Сенька другое, а Шульц опять шествовал барином. На Сеньку Шульц старался не смотреть: он его возненавидел на всю жизнь.

«Проклятый мальчишка! Нехороший мальчишка! Такой маленький сам и такой уже большой жулик, а? Такого надо убивать!» — ворчал про себя Шульц.

«Толстая твоя морда, неуклюжий ты боров, дурак! — думал про Шульца, в свою очередь, Сенька. — Как надрал ухо, что и сейчас все еще горит. Одолел, хватило силы? И лапища-то как у медведя какого, словно клещами сцапал. Самого бы тебя так схватить, чтоб ты знал, каково это бывает».

— Зачем ты остался в лаборатории? — тихо спрашивает Сеньку Данила Петрович.

— Думал, разузнаю, подгляжу, — отвечает Сенька отцу.

— Тебе все нейдет. Тебе мало того оказалось, что он шишку на лоб тебе присадил? Больше не смей такого учинять, — строго говорит ему Данила Петрович.

— Ладно, не буду, — буркнул Сенька в ответ.

Глава двенадцатая

Его превосходительство интересуется, как идут дела у Данилы Петровича и Сеньки

Генерал Мальцев никогда ничего не забывал. И хотя первые две недели великого поста у него, как и всегда, прошли в делах главного завода, Людиновского, — там об эту пору надо было отправлять пароходы, сделанные для Волги и Днепра, — но все же он не забывал и другие свои заводы. Ну, а уж дела на Дятьковской хрустальной, которая у него прямо-таки под боком, и подавно он не мог забыть. И, конечно, ему нет-нет да и приходил на ум Шульц со своими помощниками, Данилой Петровичем и Сенькою. Надо как-нибудь опять вызвать этого Грачева и выяснить, как подвигается у него дело с раскрытием секрета золотого рубина. Ежели дело движется медленно, то не мешает снова слегка припугнуть его, чтоб он пошевеливался.

«Как только приеду в Дятьково, так я этого Грача и вызову, учиню ему допрос», — думал он не раз.

Мальцев так и сделал. В первый же день по приезде в свой дятьковский дворец он вызвал Данилу Петровича. На этот раз не во дворец к себе, а в главное управление, где у него был кабинет.

— Петрович, к его превосходительству требуют тебя зачем-то, — передал Даниле Петровичу смотритель, когда Данила Петрович, закончив варку, хотел было домой идти.

У Данилы Петровича и душа в пятки ушла. «Неужто снова пороть?» — с ужасом подумал он.

— Во дворец? — спросил он у смотрителя.

— Нет, в главное управление, — ответил ему смотритель.

— Не знаете, случайно, зачем?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Сказали, чтоб немедля ты явился с мальчонком своим туда.

А что и про что, мне того не пояснили, да мне и ни к чему это.

Делать нечего, надо идти, генеральского приказа не ослушаешься. И они пошли.

— Тять, неужто он опять нас на конюшню пошлет? — испугался и Сенька.

— А куда ж еще, — ответил Данила Петрович сыну.

— А за что? Что мы секрета у немца не вызнали? Так ведь срок-то не вышел: он же сам сказал, чтоб до пасхи мы вызнали, а пасха-то еще вон где!

— Мало бы что он тогда говорил, а потом вот передумал. Скажет: «Вызнали?» А мы с тобою что ему на это? «Нет еще, ваше превосходительство». — «Ах, еще нет? А ну-ка, марш опять на конюшню!» Вот и весь тебе сказ.

— Но это же будет не по закону!

— У него свои, брат, законы. Что его левая нога захочет, то он с нами и учинит.

Но Данила Петрович и Сенька сейчас зря порки боялись, не им сегодня грозила она, а другим, да еще таким, какие ее ни разу не пробовали.

Мальцев вошел в свой кабинет в самом благодушном расположении духа, напевая «Господи, помилуй», милостиво улыбаясь кланяющимся ему служащим. К нему, как и всегда в таких случаях, тотчас же явились для деловой беседы самые главные его служащие: управляющий всеми заводами и главный бухгалтер. И все сначала шло по-обычному. Генерал выслушивал доклады своих чинов, давал им распоряжения и указания, улыбался и даже похохатывал. И вдруг — надо же было такому случиться! — ему вздумалось чаю стакан выпить.

То ли сказала закуска — генерал перед тем, как выйти из дому, выпил рюмку водки и заел балычком, — то ли по другой какой причине, а только он попросил принести ему стакан крепкого чаю. Бухгалтер не стал передавать приказ генерала кому-то другому, а поспешил сам выполнить его. Метнулся в коридор, где стоял большой стол, а на столе огромный двухведерный самовар и тоже огромный чайник для заварки, из которых все служащие пили во время работы чай бесплатно.

Высшие служащие не пили чаю из этого самовара, считали это ниже своего достоинства, а вот мелкая сошка служебная очень охотно дула даровой чай, тем более что он был сладкий: в самовар сыпался и сахар.

Главный бухгалтер налил в стакан сначала заварки, а потом кипятку из самовара, в пылу усердия и не заметив, что чай-то совсем не горячий, и поспешно понес его к генералу в кабинет.

— Пожалуйте, ваше превосходительство! — отвешивая поклон, говорит он генералу.

— Спасибо, братец, — ответил ему Мальцев и тут же сделал первый глоток, от которого у него и глаза на лоб полезли.

Мальцев даже поперхнулся и закашлялся.

— Обожглись, ваше превосходительство? Горячо очень? — забеспокоился бухгалтер.

— Да, горячевато слегка, — говорит ему Мальцев. И тут же спрашивает: — А вы сами-то тоже такой чай пьете здесь?

— Нет, я чай на работе не употребляю, я его пью только дома, — отвечает бухгалтер.

— Жалко! А чаек-то зело крепкий и вкусный, такого вам дома не подадут. Прошу попробовать, чтоб убедиться. — И Мальцев пододвинул стакан с чаем бухгалтеру. — Пейте, пейте, не стесняйтесь! А если брезгуете, налейте себе в особый. Прошу, прошу, прошу!

Бухгалтер сделал осторожный глоток, боясь, как бы не ожечься. И тут только понял, что за «чай» он подал генералу: в стакане была крепчайшая водка, сдобренная сиропом. И ему, как и генералу, стало ясно все. Значит, конторщики снюхались, надо полагать, с заведующим винным складом, тот им по дешевке и предоставляет водку, да еще с сиропом в придачу. И они и дуют ее вместо чая. То-то от них всегда сивухой так и разит, когда они входят к нему. А спросишь которого, он отвечает, что это еще со вчерашнего у него: вечерком, дескать, с приятелем по чарочке после трудов праведных выпили. А они, оказывается, на работе ухитряются нализоваться.

«А я за них в ответе сейчас», — думает в страхе бухгалтер.

— Ну как чаек? Вкусный, не правда ли? — спрашивает у него Мальцев.

— Виноват, ваше превосходительство, мой недосмотр, — залепетал бухгалтер.

— Конечно, ваш, а не мой. У вас ведь они под началом. Но и они хороши, подлецы! Ишь что удумали, а? Но это им даром не пройдет. Я им покажу, как у меня на работе пить! Всех их пороть кучерам не вмоготу, а человек пяток я все же сейчас пошлю на конюшню. Надо только выбрать, какие самые большие запивохи, — говорит Мальцев.

Он подумал и говорит:

— Так! Первого туда надо послать архивариуса, он у нас из всего управления главный запивоха. К нему присовокупить этого... Ну, как его? Который у вас топливом занимается, этот, у которого нос всегда сизый?

— Гусаров, счетовод? — подсказывает бухгалтер.

— Во, во, он самый и есть. Он с архивариусом всегда вместе, дружки закадычные... Потом этих двух, тоже друзья неразлучные, которые у вас в торговом отделе сидят рядышком, один на входящих, другой на исходящих. У них носы пока только красные, но скоро тоже сизыми станут.

— Иванова и Лебедушкина?

— Да, да, их самых, голубей! И пятого вот кого присоедините к этой теплой компании... Синеокого. Он, по-моему, главный заводила всему этому делу, он большой приятель заведующему водочным и пивным складом: через него они могли такое количество водки доставать. А с тем, с заведующим складом, я после сам потолкую. И вызвать их сию же минуту сюда, я хочу им напутственное словечко сказать.

— Ваше превосходительство, но ведь Синеоков вольный, — говорит главный бухгалтер.

— Вольный? Ну вот я ему сейчас и покажу волю эту. Живо мне их сюда!

И двух минут не прошло, как все пятеро предстали перед грозными очами повелителя своего. Пятерка еле держалась на ногах. Конторщики, надо полагать, не по одному стаканчику «чаю» уже успели хватить. От каждого разлило сивухой за версту. Но как бы они ни были пьяны, а увидев Мальцева, встретив его взгляд, сразу поняли, что на них надвигается гроза, только не знали еще какая.

— Ну, орлы, как живете-можете? Как вам чаек ваш пьется? А? Чаек знатный, я сейчас его ненароком попробовал, ну прямо чуть язык не проглотил, до того он вкусен! И вот мне сейчас подумалось, что для такого чаю должна быть и соответственная закусочка, а? Чайку вы попили и сегодня, как я вижу, а вот крендельков к чаю такому у вас, надо полагать, и не было. Так идите-ка вы живым манером на конюшню, там вам всыпят хороших крендельков, дадут закусить как следует. Марш, марш, живым манером!

— Ваше превосходительство, так не одни же мы пили, все пили и пьют, — пробормотал архивариус.

— А-а, ты еще разговаривать со мною захотел? — заорал на него Мальцев. — Ну в таком случае тебе отпустят кренделей двойную порцию, всем по двадцать пять, а этому полсотни. И горяченьких, прямо с пылу с жару! Распорядитесь, — говорит Мальцев управляющему. — И самовар с чайником из коридора убрать, никаких чтоб чаев этим подлецам, вплоть до того часу, пока я не сменю гнев на милость.

Это уже касалось бухгалтера, в конторе он главное лицо.

— Будет исполнено, ваше превосходительство, — отвечает генералу бухгалтер.

Никогда еще или давно уже Мальцев не был так сердит, как сейчас. Генерала, видимо, возмутило то, что пьянство происходило во время работы, и то, что оно не где-нибудь, а в главной конторе, у него под боком. Как же он сам-то проморгал такое дело? Ведь он хотя и не часто, а раза два в неделю все же заглядывал сюда, встречал по пути конторщиков этих. Они же, полагать надо, пьют не первый день. И сам он шляпа, не только бухгалтер.

Это-то и взбесило его больше всего.

Вот в какую минуту предстояло явиться к генералу Даниле Петровичу с Сенькою.

— Ну, Грачи, хвались успехами своими, — мрачно обратился к ним генерал, лишь только они порог кабинета его переступили. — Вызнали секрет золотого рубина у Жульца?

— Пока еще никак нет, ваше превосходительство, — отвечает генералу Данила Петрович. — Конечно, кое-что мы с мальчонкой моим узнали. А вот главного: сколько золота надо класть в царскую водку, этого еще не удалось нам разузнать. Больно таится немец.

— «Больно таится!» — передразнил Мальцев Данилу Петровича. — Да это я и без твоих слов давно знаю, что он «больно таится». Он и должен таиться, я тебе еще тогда об этом говорил, потому что ему открываться перед кем бы то ни было не с руки. А ты подбирай, подбирай к нему ключи, найди способ обойти его, перехитрить. Что ж ты там дремлешь?

— Никак нет, ваше превосходительство, нам дремать не приходится. Мы с Сенькою уж не одно пробовали. Он мальчонку моему и шишку на лоб присадил, и уши надрал, когда он пытался подсмотреть, как и что немец делает. А все пока без толку, — говорит Данила Петрович.

— «Без толку, без толку!» — снова передразнивает генерал Данилу Петровича. — А мне надо не без толку, а с толком. Видно, не миновать стать, а придется мне снова посылать вас на конюшню. Да приказать вам обоим всыпать уже не тепленьких, а горячих. Авось тогда скорее у вас толк получится с этим делом. Смотри, Грач, я ценю тебя как стекловара хорошего. Но ежели ты к пасхе не сварешь мне сам моего собственного золотого рубина, то я опять тебе повторяю прежние свои слова: конюшни тебе

не миновать.

Я своему слову верен, я своих слов на ветер не бросаю, ты это из ума не выкидывай, а помни и знай.

— Мы это и знаем и помним, ваше превосходительство, и никогда не забываем, и забывать не должны, — отвечает Данила Петрович генералу.

Мальцев пытливо посмотрел на Данилу Петровича. Что-то послышалось ему подозрительное в словах стекловара, в тоне их, какой-то другой смысл.

— Ты что сейчас мне сказал? — грозно спрашивает он у Данилы Петровича.

— Я вам сказал, ваше превосходительство, что ваши приказания мы должны всегда помнить, понимать и никогда не забывать, — говорит Данила Петрович, но уже с другим оттенком, более смиренным.

— А-а, это уж другой коленкор. А то мне послышалось было иное, — успокоился Мальцев. — Ну, можете идти. Хлопчи, Грач!

Данила Петрович и Сенька вышли из кабинета в коридор.

— За этим только он нас и вызывал? — засверкал глазенками своими Сенька.

— А тебе что? Этого мало? — спрашивает его Данила Петрович. — Поднапомнить нам ему захотелось, подбодрить нас, чтоб мы пошевеливались, вот и все тут. А заодно и пригрозить нам поркой следующей.

— Не будет этой следующей порки, не будет! — загорячился Сенька. — Если ненароком мы и не разузнаем секрет, то все равно мы больше на конюшню не пойдём!

— А куда ты денешься?

— Куда? А куда и люди. Сбежим куда-либо, в степь или в Сибирь. Бегали же другие от него, ты же сам говорил мне об этом когда-то.

— Говорил. Но кто бежал-то? Молодые ребята, одинокие, у которых все с собой. А как побежим мы с тобой? На кого бросим мать, детишек? Ну ты еще, скажем, и мог бы убежать с этой каторги, если бы чуток старше был. А как же я могу? Нет, брат Сеня, я прикован тут накрепко, меня освободит только могила одна: воли я, видать, так и не дождусь, хотя о ней псе время разговоры идут, — вздохнул Данила Петрович.

«Да вон оно что... Мамка, братишки с сестренками... Я вгорячах было и забыл про них, а тятко-то всегда, вишь, думает о них. Конечно, если мы с тяткой убежим, им каюк, пропадать им без нас... Нет, тут нам остается только одно: вызнать этот чертов секрет у немца! И я его визнаю, не будь я Сенька Грачев!» — клянется Сенька в который уж раз.

— Что ж вы сегодня поздно так? — спрашивает у них мать, когда они домой пришли. — Аль на работе случилось что?

— На работе ничего не случилось, а задержались мы потому, что нас опять генерал вызвал к себе, — ответил жене Данила Петрович.

— Зачем? — испугалась мать. — Неужто опять туда хочет послать?

— Пока еще нет, но грозит послать в обязательном порядке, если мы не выполним приказа, не научимся рубин золотой сами варить.

— О господи! Спаси и помилуй нас, — закрестилась мать. — И когда же кончатся мучения ваши? Когда же вы научитесь варить-то его?

— Научимся, дай срок, — ответил Сенька матери за отца и за себя.

Глава тринадцатая У Шульца тоже неприятности

Пошел в ход мальцевский золотой рубин, пошел, и как еще пошел-то!

Заказы на изделия из него сыпались со всех концов матушки-Руси, со всех городов и весей. Из Москвы, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Ростова Великого, Одессы,

Нижегорода, даже из самого Санкт-Петербурга были заказы, даже из далекого Соловецкого монастыря. Управляющий еле успевал подписывать соглашения на поставки изделий из золотого рубина; упаковщики работали день и ночь, готовя ящики с дорогим стеклом к отправке. А в кассу его превосходительства текли денежные чеки, переводы, векселя от заказчиков. И, как и предполагалось, главными заказчиками были купцы-оптовики, торгующие церковной утварью — подсвечниками, люстрами, лампадками, чашами для святых даров, крестами, запрестольными образами и прочим, что требовалось для нужд церкви, для пышного украшения церковной службы.

Особенно большой спрос был на лампадки и люстры из золотого рубина, нежно-розового и ярко-красного, цвета голубиной крови. Они сверкали как настоящие драгоценные рубины, цены которым нет.

Были заказы и на сервизы для стола из золотого рубина — от вельмож и купцов-толстосумов, от владельцев ресторанов и трактиров первого класса. Но таких заказов было немного, да они для Мальцева были и не в счет. Для него сейчас главным было успеть выполнить к пасхе заказы церквей.

Мальцев похохатывал, потирал от удовольствия руки и говорил своим приближенным:

— А правда, господа, я не дал промашки, что привез этого Жульца сюда, а?

— Ваше превосходительство всегда поступает так, как нужно, — отвечали ему они.

— Ну-ну-ну, это уж вы льстите, господа, бывает и на старуху проруха, ошибаюсь и я. Но на сей раз я, кажется, мудро поступил, законтрактовав этого немца, qñ не в убыток пришелся нам.

Генерал на радостях снова обласкал Шульца, приказал сшить ему в подарок к празднику новый сюртук, пальто и брюки, сшить из первосортного материала, а вдобавок к тому выдать ему из мануфактурного магазина шляпу-котелок по размеру его башки и новые модные туфли по ноге. И теперь Шулец еще больше заважничал, его прямо-таки распирало от гордости, он еще больше стал похож на индюка.

— Вот счастье-то этому дураку, — говорил в сердцах Сенька отцу. — Ничего почти не делает, а ему всё дают и дают — и деньгами, и одеждою.

— Ну это ты зря его так костышь, — осаживал сына Данила Петрович. — И совсем он не дурак, а совсем напротив, мужик себе на уме. А награждает его генерал недаром: он ему доход своим рубином вон какой приносит, а будет приносить еще больше. Слышал я, что скоро ему прикажут варить золотой рубин не в одном и даже не в двух горшках, а в четырех, а может, даже и пяти.

— Тогда это что ж получится? И нам работы прибавится? — испугался Сенька.

— Выходит, так, — вздыхает Данила Петрович.

И верно: Шулец получил приказ варить золотой рубин в четырех горшках, чтобы фабрика смогла выполнить все заказы. Шульцу это не ахти как понравилось, а что поделаешь, возразить и он не смог: не было к тому у него никаких оснований, в контракте ведь не оговорено, в скольких горшках и какое количество в день он должен варить рубина. Да если бы и оговорено было, то опять-таки как можно возражать, когда генерал так добр к тебе? И Шульцу — хочешь не хочешь, а пришлось подчиниться новому распоряжению. Да к тому же оно хотя и трудновато, зато прибыльно: теперь уже лишек он кладет себе в карман не от одного горшка, а с целых четырех, шутка ли! А Даниле Петровичу и Сеньке тем более нельзя было и заикнуться, что неумоготу им стало: ведь они крепостные генерала, он что хочет, то с ними и делает; захочет — и другому барину продаст их, как скотину какую. Нет, уж лучше помалкивай, набери в рот воды и молчи, как говорят старики. Трудно не трудно, а делай, что велят.

Даниле Петровичу и Сеньке долго бы пришлось надрываться на работе, если бы у Шульца не произошло аварии, если бы он сразу, в одну варку, не запорол двух своих горшков.

Как это получилось у него? Ведь он же хороший, опытный стекловар, про него как стекловара не мог ничего плохого сказать даже Степан Иванович Понизов, который Шульца терпеть не мог за его фуфырство и важничание.

А очень даже просто.

И Данила Петрович, и Степан Иванович по своему опыту хорошо знают, что как бы ты ни был сведущ в своем деле, а вот бывает иной раз незадача, и все тут! У них такое случалось иногда с желто-канареечным — капризное в варке стекло! А вот у немца такое приключилось с его золотым рубином. Ну, желто-канареечное — штука недорогая; испортишь один горшок — беда не ахти какая большая. Не получился канареечный — будет обыкновенный желтый. Мальцеву убытка нет большого: красителем желто-канареечного является хлористое серебро, а не золото, как у шульцевского рубина. И все же и тогда для стекловара неприятность. А тут золото, на сто рублей кладется его в стопудовый горшок, если только этот Шулец не врет.

И что обидней всего: не только рубина никакого не получилось в двух горшках, а вообще даже мало-мальски на что-нибудь годного стекла. Вышло что-то грязно-желтое, мутно-серое. Такое стекло годно разве только на такие штофы, которые художница Бем тушью расписывала, да на пивные бутылки. Но штофы с чертями давно уже не вырабатывают, а пивные бутылки в Дятькове не делают.

Ох и запрыгал же Шулец, когда увидел, что у него получается в двух горшках, ох и взбеленился же он! И, конечно, начал виноватых искать, а сам он, дескать, тут ни при чем. И в первую голову набросился на Данилу Петровича с Сенькою, на помощников своих.

— А, твой портиль мой шихта золотой рубин в цвай горшок, твой сыпайт туда разный дрек, мой будет говорить с герр генераль! — заорал он на них.

Данила Петрович сначала было испугался: в самом деле, чего доброго, нажалуется немчура генералу, а ты доказывай, что ты не гусь. Но потом рассердился и сам:

— Да ты что, Гендрик Иванович? Очумел или не выспался? Ведь мы же к твоим горшкам и не подходили. Ты в последние дни сам около них все время крутишься, а когда шихту в составной смешивали, то опять-таки ты сам наблюдал за всем, — говорит он Шульцу в сердцах.

На это Шульцу нечего было сказать. Да, действительно, с того дня, как был получен приказ варить рубин в четырех горшках, он все время находится возле печи, домой не уходил, смотрел за всеми четырьмя горшками сам. И Данила Петрович не такой человек, чтобы другому гадость учинить; он стекловар настоящий, а настоящий стекловар никогда не станет губить стекло в горшках, а тем более такое дорогое, как золотой рубин. Но вот этот мальчонок его, Сенька-то, — это такой жулик, что может utworить что угодно! Он, надо полагать, не забыл, как Шульц надрал ему уши, когда обнаружил его под столом в лаборатории. Он, возможно, и отомстил ему, Шульцу, сыпнул какой-нибудь гадости в эти два горшка.

— Твой зон жулик, он сыпайт в мой шихта разный дрек! — продолжал разоряться Шульц.

— Да он тоже не подходил к твоим горшкам, чего напраслину на ребенка взводишь? — заступается за сына Данила Петрович.

Шульц бегал и в составную, кричал и на засыпщиков-золосеев, обвинял и их в порче шихты. Но золосеи — ребята десятка не робкого, они дали ему дружный отпор.

И Шульцу пришлось ретироваться, кричи тут, не кричи, этим дела не выправишь. А будешь разоряться, эти медведи, чего доброго, и холку намнут. Жалуйся потом генералу.

Самое неприятное Шульца ждало впереди. Он понимал, что о таком происшествии обязательно доложат генералу, а тот, конечно, вызовет его для объяснений. И Шульц не ошибся — Мальцев потребовал его во дворец с докладом.

— Ну, Гендрик, ты что же это, брат, а? Портачить начинаешь, да? Золото мое на ветер пускаешь? Ты что же думаешь, я для того тебя сюда привез, чтобы ты горшки мои запарывал, да? Ты думаешь, что у меня деньги куры не клюют, что у меня свои золотые прииски? А ну-ка, отвечай! — начал допрашивать его Мальцев, лишь только Шульц переступил порог генеральского кабинета.

— Герр генераль, мой не виноват, мой хорошо варийт золотой рубин, — залепетал Шульц.

— А кто ж виноват? Я, что ль? Ведь не я же варил рубин, а ты? И как же «твой хорошо варийт», как утверждаешь ты сейчас, когда два горшка испорчено, а? Это что ж, по-твоему, хорошая варка, да?

— Шихта былль нехороший, дрек шихта, составители плохо составляйт шихта, — продолжает лепетать Шульц.

— Опять-таки твой недогляд. Надо было смотреть самому, какую шихту тебе приготовили. Если плохую, ты мог не принимать ее, — говорит ему на это Мальцев.

— Я смотрейт, но...

— Смотрел, да недосмотрел. И вот тебе моя резолюция: на первый раз убыток за испорченные два горшка я с тебя не взыщу. Ну, а вот за золото, что ты убухал в них, прикажу вычесть из твоего жалованья. Понятно? Ферштейн? И весь тебе тут мой сказ, можешь убираться. А если еще будешь так запарывать горшки, то буду вычитать за все, весь убыток от того на тебе повиснет.

— Но, герр генераль, ваш стекловар тоже иногда брак делает?

— Бывает, но в редкую стежку. Да и по два горшка они у меня никогда не портили, а ты умудрился сразу два испортить. И они какие запарывали? С дешевым стеклом или недорогим хрусталем. А ты вон с каким! Убирайся, говорю, я тебя больше сейчас видеть не желаю!

И Шульц поплелся обратно. Говорить больше с генералом, пытаться оправдываться смысла не было. Так наоправдаешься, что, чего доброго, и на самом деле весь убыток на твоей шее повиснет: генерал тут полный властелин. Конечно, надо было оговорить в контракте, что в работе возможен будет иногда и брак, но раз это не оговорено, то теперь помалкивай.

Шульца мучило и другое. Ведь о его неудаче узнает вся фабрика. Его слава первоклассного стеклоара теперь здорово потускнеет. Тутощние стеклоары теперь будут смотреть на него не так, как до этого. Теперь они будут считать себя равными ему, раз и у него не всегда гладко получается. Они будут теперь радоваться, что он оскандалился перед генералом, который до этого так благоволил к нему. И особенно возрадуется эта бестия, мальчишка Сенька. Он прямо заплашет от радости: тот, кто ему шишку на лоб присадил и уши надрал, в такую лужу сел! Мальчишка будет смеяться над ним! А

деньги, что вычтут из его жалованья, двести рублей — конечно, их тоже жалко, — сейчас не так его беспокоили, он уже не одну сотенку прикарманил, как начал работать тут, да и еще прикарманит. Портить же горшки он больше себе не позволит, будет смотреть в оба за составлением шихты. Он этих засыпщиков проучит, он еще не одну партию шихты вернет им назад, если они будут составлять ее спустя рукава. Он их научит, как надо шихту для золотого рубина составлять!

А Сенька и в самом деле обрадовался неудаче Шульца больше всех. Правда, Сенька никому ни слова об этом не говорит, даже тятке родному, но в глазенках его так и прыгают бесенята, глаза его так и светятся торжеством и радостью.

А Данила Петрович сразу догадался, что творится в душе сынишки, и это ему не понравилось, хотя Шульца не любил и он.

— Слушай-ка, что я тебе скажу, — говорит он Сеньке. — Никогда не радуйся чужой беде.

— Да ведь это же немец, Шулец. Он же сам как с нами обходится? — говорит Сенька.

— Кто бы он ни был, а он все же человек, такой же, как и мы с тобою.

— Нет, он не такой! — загорячился Сенька. — Если бы он был такой, как мы, он бы так не дрался и не таился.

— Ну, это другой разговор, а ты сейчас посмотри на него с другой стороны.

— С какой это другой?

— А с такой, что он такой же стекловар, как и мы с тобою. А у него незадача, авария произошла. Так как же мы, сами стекловары, будем радоваться тому, что у него получилось такое, а? Да ведь и хрустала двух горшков жалко: это же труд человеческий. И не одного Шульца, его тут трудов не так уж густо. Шихту-то составляли, дрова заготовливали для варки не он, а другие. Вообще, Сеня, запомни раз и навсегда: никогда не радуйся чужой беде, чтобы и твоей люди не радовались, если она случится когда с тобою.

Сенька понял.

«Конечно, тятка, как и всегда, правду сказал. А все же мне почему-то и сейчас этого Жульца ничуть не жалко, потому что нехороший и жадный он, вот что!» — подумал Сенька.

Но отцу ничего не сказал.

Глава четырнадцатая **Сеньке помогает генерал**

А весна-то все ближе да ближе надвигается, все ширится и разгорается. Вот-вот начнется паводок. Воробьи давно уже суетятся по-весеннему на дорогах и в палисадниках, на ракетах и тополях. Их почему-то всегда особенно много возле конторы фабрики, на кустах сирени — целый базар!

И грачи прилетели.

Желна, черный дятел, давно уже оповещает всех в бору о скором приходе настоящих теплых дней, звонко кричит при полете свое «плыть, плыть, плыть», а севши на сук или на вершину ели, заканчивает утверждает громким «тэ-эк!».

— Так, — говорят старики. — Значит, скоро все поплывет, раз желна плыть-плыть приглашает.

На опушках леса, там, где уже растаял снег, начинают бормотать косачи: скоро у них начнется настоящий ток.

И жаворонки нет-нет да прозвенят где-то в вышине, рассыпят там серебро свое. И рябчики ведут уже пересвисты в густых ельниках. А голуби-то, голуби что делают на крышах! Гуркуют и гуркуют, — в Дятькове все ребята так говорят про голубей: не «воркуют», а «гуркуют». Голубей по Дятькову много, особенно на конном дворе генерала, где кучера прикармливают их овсом, а крыша над гутой их любимое токовище. Сенька самый заядлый голубятник среди сверстников. Дома у него есть свои голуби, но и на работе, как только выпадала свободная минутка, он нет-нет да и выскакивал на фабричный двор из гуты, чтоб полюбоваться на любимцев своих, послушать воркование их.

У Сеньки есть и еще один любимчик — фабричный соловей. Он живет в зарослях бузины, разросшейся вдоль фабричного забора, — там, где свалка мусора. Но сейчас его еще нет; соловей прилетит позднее, когда на бузине начнет разворачиваться лист. Прямо удивительно, почему эта соловьиная парочка облюбовала такое неприглядное место? На том берегу Барской речки, в саду и в парке генерала, есть лучшие места. А вот поди ж ты, соловьи всегда тут поселяются, каждую весну. Соловья сидит в гнезде, высиживает своих соловьят, а соловей, чтоб ей не скучно было, услаждает ее песнями. И тот, кто работает в гуте в ночную смену, выбегает ночью на минутку-другую во двор —

глотнуть свежего весеннего воздуха и послушать соловья.

— Наш-то, наш как разоряется! — говорят они с восхищением.

Соловьиная пара была окружена заботой всех гутенщиков; ребятишкам строго-настрого наказывали не подходить близко к кустам бузины, чтоб не беспокоить птиц.

Но Сенька все же подходил. Он видел и гнездо, на котором соловья сидела. Оказывается, гнездо ее на самой земле, оно и на гнездо-то не похоже; соловья прямо так и сидит на голой земле. Возможно, там и есть какая-то подстилочка, Сенька этого точно не знает. Он подходил тихо, чтобы соловья его не услышала и не увидела. Так же тихо он и отходил, чтоб она не обеспокоилась. Никому из ребят Сенька гнезда не указывал. Ребята ведь разные бывают. Другой дурак возьмет да и спугнет ее, соловьяху-то, а она возьмет да и бросит гнездо свое, что тогда? Осиротеет ведь двор фабричный. Кто тогда тут петь будет?

Все слышали, как поют соловьи, но видеть их во время пения редко кому приходилось. А вот он, Сенька, видел это не раз. Оказывается, соловью не легко даются его песенки, особенно когда он пускает трели. Перышки на его спинке и шейке при этом так взъерошиваются и дрожат, будто его лихорадка трясет.

Сенька больше всего в году любил весну. Весной он и сам оживлялся, прыгал, как молодой козленок; на него нападало веселье, он шутил с друзьями, хохотал и смеялся по каждому пустяку.

— Да угомонись ты, — говорил ему не раз отец, когда Сенька чересчур шумел. — Что ты носишься как угорелый?

И Сенька притихал. Отца он всегда слушался и побаивался.

Нынешняя же весна была не легкой и не радостной для Сеньки, нынче он не прыгал и не скакал. Забота и думы печальные навалились на него в эту весну.

Какие?

Да все те же самые: как подобраться поближе к этому Шульцу, как разузнать у него секрет золотого рубина, подглядеть, сколько же, в конце-то концов, кладет он золота в шихту? Не может же того быть, чтобы немец все сто целковых вбухивал в один горшок. Не может. Но тогда сколько же он кладет туда?

Сенька все передумал и перебрал в уме, а толкового пока у него ничего еще не намечалось.

Сенька было заикнулся в разговоре с отцом, нельзя ли, дескать, им тоже попросить у генерала золота и начать подбирать норму его для шихты, класть сначала немножко, потом побольше. Можно же, в конце-то концов, найти то, что нужно. Но Данила Петрович на это только рукой махнул.

— Чепуху ты мелешь, парень, вот что я тебе скажу, — сказал Сеньке отец.

Сенька и сам потом понял, что генерал никогда им золота для пробы не даст.

«Эх, шапочку бы невидимочку мне сейчас! — мечтал Сенька. — Надел бы я ее, стал бы рядом с немцем и посматривал, что он делает с золотом. Я все вижу, а Шульц меня и не видит. Он даже и не предполагает, что я рядом с ним стою и все наблюдаю да запоминаю».

Но шапки-невидимки только в сказках бывают, а сказка не быль — это Сенька давно знает, не маленький ведь.

Сенька начинал уже отчаиваться, на него порой стал находить страх и ужас: не разгадать им до пасхи секрета золотого рубина. А тогда не миновать ему с тяткою опять порки на конюшне: генерал свое слово сдержит.

«Буду тогда просить, чтоб секли меня одного, а тятку не трогали. Я молодой, крепкий, выдержу и двойную порку, а тятка у нас хилый», — вздыхал Сенька.

Сенька настолько было упал духом, что перестал и думать о том, чтобы выход какой-то найти. Нет их, выходов этих, и все тут.

А выход-то и нашелся. К Сеньке пришла помощь оттуда, откуда он ее никак не ожидал.

Бывает иногда в жизни вот такое, что человек совсем отчаивается, думает, все пропало, опускает руки, а тут оказывается, что отчаивался он зря. Вспыхнет вдруг счастливая мысль, и человек догадывается, что делать нужно.

Сеньке помог Генерал.

Да нет же, не его превосходительство, не генерал Мальцев, а кот ангорской породы, по прозвищу Генерал. Так окрестили его рабочие за удивительное сходство его морды с обликом генерала Мальцева. Этот Генерал всегда жил в гуте, был тут за хозяина и важно прохаживался иногда по цеху. Удивительно, что и походка его напоминала походку самого Мальцева.

Свои кошки были везде: на фабрике, в конторе, на складах, даже в управлении были, не говоря уже о магазинах. Иначе от мышей и крыс спасу бы не было. Но то были простые кошки, обыкновенные, а

этот, вишь, породистый, ангорский, пушистый, как хороший баран. Как он попал сюда, никто не знает, а только попал да так прижился, что возвращался в гутенский цех каждый раз, когда его пробовал кто-нибудь уносить к себе домой. А еще бы не возвращаться! Тут ему хорошо: зимой под ванной и горшковыми печами тепло и еды хоть отбавляй! Мышей много, и голубка на крыше можно сцарапать, да и рабочие его подкармливают — кто мяска кусочек даст, кто молочка нальет в хрустальные блюдечки и розетки. Чем не житье Генералу! И подраться было с кем. Когда другие коты пытались сунуть свой нос в его владения, Генерал так встречал их, что с пришельцев только шерсть летела ключьями.

Сенька хорошо знал этого Генерала, он частенько подходил к их печи, когда они с тяткой варили стекло и хрусталь. Он знал даже, почему он такой породистый: видимо, это сын кошки бухгалтера — он один водил такую породу кошек. А вот кто его сюда подобрал, Сенька в точности не знал.

Даниле Петровичу и Степану Ивановичу Генерал по душе пришелся; они всегда усмехались, глядя, как он важно выхаживает по проходу между их печами; они баловали его, как и другие мастера, подкармливали, если он крутился возле их ног.

А вот Сенька и Павлушка кота не жаловали. Они не раз видели, как Генерал жрал голубей. А для голубятников кошки, которые охотятся за их любимцами, так же ненавистны, как и ястреба. Сенька и Павлушка всегда косились на Генерала, называли его обжорой, голубиным кровопийцей и не прочь были запустить в него камнем или дать хорошего пинка под зад.

Вот этот-то ненавистный Сеньке Генерал и оказал ему такую услугу, что и сказать невозможно, — такую, за которую Сенька готов был простить ему все его грехи.

Вышел как-то Сенька на минутку из цеха, чтоб посмотреть на голубей, послушать, как они гуркуют на фабричной крыше, отдохнуть немножко. День был теплый, солнечный. И видит Сенька — гуркуют сразу штук пять голубей, ходят вокруг своих голубок и бормочут, бормочут... Поятся немножко, передохнут и опять за свое.

«Гурку-вар, вар, вар, вар! Гурку-вар, вар, вар, вар!»

Как же у них хорошо получается это гуркование!

Сенька стоит как зачарованный, глаз не сводит с голубей и слушает, слушает.

И туг он увидел, как из-за конька крыши показались сначала уши Генерала, потом вся голова. Генерал тоже глаз не сводил с голубей. Только у него была другая цель, чем у Сеньки: он пришел не слушать, а кушать. Глаза у Генерала горели, он смотрел на голубей и соображал, как бы это так сделать, чтобы подкрасться к ним незаметно? И ведь сообразил! Втянул голову свою обратно за конек крыши и исчез.

«А, разбойная твоя морда! Не удалось тебе полакомиться голубочком, сорвалось у тебя? Так тебе и надо!» — думает Сенька радостно.

Но радоваться Сеньке было рановато. Генерал не совсем исчез. Он вновь показался на крыше, только теперь там, где Сенька его и не ожидал: кот полз возле водосточного желоба, да так ловко прятался за ним, что Сенька не сразу его и Углядел, Генерал прямо сливался с желобом. И до голубей ему оставалось доползти совсем немного, каких-нибудь аршин пять.

— Да гад же ты этакий! Да я ж тебя сейчас так угощу, ты и жисти своей не рад станешь! — выругался Сенька и стал высматривать подходящую кирпичину, которой удобно было бы метнуть в разбойника.

И на его счастье такая кирпичинка ему тут же подвернулась под руку. Сенька и метнул ею в Генерала. В кота он, конечно, не попал: кирпичинка ударила о крышу возле него, но напугал он его и голубей ужасно. Голуби тут же снялись и перелетели на другую крышу, а Генерал задрал хвост трубой и, метнувшись к слуховому} окну, исчез на чердаке.

А Сенька хохочет, так хохочет, как давно уже не хохотал: уж очень смешным ему показалось, как Генерал прыснул в слуховое окно.

И вдруг Сеньку осенило, он сразу умолк.

«Постой, постой, — говорит он сам себе. — А ведь это же крыша составного цеха. И слуховое окно почти над самой лабораторией Шульца. Да кто ж мне мешает самому-то забраться туда, залезть на потолок да просверлить дырочку, прямо над столом немца, и глядеть, как он сыплет в посудину золото или монеты кладет? Ведь он же нипочем не догадается, что я за ним подсматриваю, что у него кто-то над головою сидит! Эх, дурень я, дурень! Рукавицы у меня за поясом, а я их шукаю. Вот же у нас с тяткою выход, да еще выход-то какой! Надо только так мне туда прошмыгнуть, чтоб никто и не заметил».

Сенька стремглав побежал обратно в гуту, к своей Горшковой печи, к тятке своему. Конечно, тятке пока не нужно всего говорить, а то он еще отговаривать его начнет, скажет, что из этого опять ничего путного не получится. А вот лобзик и буравчик он у него попросит. Ну и отпросится у него завтра на часок-другой, как раз на то время, когда они Шульцу помогают шихту с раствором смешивать. У тятки есть разный инструмент. Данила Петрович, как и многие другие мастера, любит в свободную минутку иногда дома смастерить что-нибудь: рамку для картинки какой, табуретку или еще что. И у него этих стамесок, рубанков, буравчиков, коловоротов, долоточек, пилочек и лобзиков и не перечтешь! Правда, он Сеньке не очень-то дает ими пользоваться — боится, как бы он их не изуродовал, но Сенька все же иной раз украдкой, а берет их и тоже кое-что мастерит.

— Тять, можешь ты уважить просьбу мою одну, а? — говорит Сенька, подойдя к отцу.

— Какую еще такую просьбу твою? — насторожился Данила Петрович.

— Мне нужен лобзик и буравчик. И еще чтоб ты завтра отпустил меня часика на два, когда Шульц будет смесь свою составлять. А ты ему один будешь помогать в это время.

— Да ты что это задумал? — еще более насторожился Данила Петрович.

— Сейчас я тебе ничего не скажу, но если ты разрешишь мне все это, то считай, что секрет золотого рубина у нас в кармане, — говорит Сенька отцу.

— В каком кармане? В дырявом? — горько усмехается Данила Петрович.

— Нет, не в дырявом, а в самом крепком будет. Разреши, тять, после не пожалеешь, спасибо мне скажешь. Я, кажется, нашел выход, подобрал верные ключи к Жульцу.

— Ох, парень, выйдут тебе боком эти ключи. Такой выход даст тебе немец, что ты волком взвоешь. Тебе, видно, мало того, что шишку он тебе подсадил да уши надрал, ты еще хочешь получить взбучку от него?

— Не получу, будь спокоен, тять. Я все продумал. Только уважь ты эту просьбу мою в последний раз, — просит Сенька отца.

— Ладно, я уважу твою просьбу. Но только и ты должен мне сказать, что надумал, иначе ты от меня ничего не получишь, — говорит ему на это Данила Петрович.

Сеньке и не хотелось говорить отцу о плане своем, а делать нечего, пришлось рассказать, иначе тятка ничего не Даст ему.

— Да чудак же ты этакий, — говорит ему Данила Петрович, — как же ты все это сделаешь? Во-первых, как ты заберешься на крышу, да еще так, чтоб тебя и не заметил никто?

— А по пожарной лестнице, вот как! И я уж подберу такой момент, когда во дворе не будет ни души, — говорит Сенька.

— Ну хорошо, предположим, ты залез на крышу так, что тебя не видел никто. А дальше что? Тебе же надо сверлить и пилить? Над столом чтоб Шульца это пришлось?

— Ну конечно же!

— А стружка-то и опилки посыплются на стол? Шульц же заметит их?

— Не заметит! Я их буду сдувать. И я еще не знаю, чем я буду дырку делать, лобзиком или буравчиком, там на деле видно будет. Я у тебя прошу и то и другое так, на всякий пожарный случай, может быть, я обойдусь чем-нибудь одним.

— И все же не дело ты задумал, ничего из этой твоей затеи не выйдет, Сень, — вздыхает Данила Петрович.

— Да ведь выхода у нас с тобою другого нет, тять! А пасха-то, считай, на носу! И генерал опять нас с тобою на конюшню спровадит...

Да, выхода у них другого не было.

— Ну, смотри, Сень, ежели влопаешься, пеняй, брат, на себя, я тебя предупреждал, — вздохнул Данила Петрович.

— Да не беспокойся ты, тять, и не волнуйся. Все будет в порядке.

«Ох и отчаянный он парень у меня! — думает Данила Петрович, глядя на сынишку. — И в кого он только уродился такой? Я в его годы трусишка был. Нет, ежели бы не порка, которой грозит генерал, ни за что бы я не дал сейчас ему согласия на это!»

А Сенька чуть приплясывать не начал. Ему уже казалось, что все сделано. И он ждал только завтрашнего дня, чтоб приступить к выполнению плана.

Глава пятнадцатая Секрета больше нет!

«Пришла беда — открывай ворота, за ней следом другая валит», — говорит русская пословица. Ее вспоминают тогда, когда человека преследуют всякие напасти, когда они сыплются на него как горох. Но у народа есть и иные пословицы, на другие случаи жизни, например вот эта: «Оно уж как повезет, так повезет, подставляй только шапку!» Так говорят тогда, когда у человека в делах лад и удача.

Вот и у Сеньки сегодня все пошло по этой поговорке.

Шульц сразу заметил, что Сеньки сегодня почему-то нет с отцом, и спросил у Данилы Петровича, где его сын.

— Он немного приболел, попозже придет, — ответил ему Данила Петрович.

— А, приболеет, — ухмыльнулся довольный Шульц. — Он может никогда не приходит в мой лабораторий. Он жулик, мой не любит его!

Сенька тоже все это слышал. Он лежал на чердаке составного цеха, как раз над столом Шульца, и смотрел в щелочку, наблюдая за тем, что делает Шульц. На чердак Сенька пробрался не хуже Генерала, так быстро и ловко, что его ни одна душа не заметила. А дырочки он просверлил не одну, а целых три, буравчиком и лобзиком, и так удачно, прямо над столом Шульца. Смотри теперь сколько душе твоей угодно! Правда, часть стружек на стол Шульца все же просыпалась, как Сенька ни осторожничал, и Шульц стружку заметил, он даже подозрительно поглядел в потолок, но тут же и успокоился, проворчал себе в усы:

— Маус... Маленький мышка.

Если бы Генрих Иоганн Шульц знал, какая это «мышка» нагоняла стружки на его стол и сидит сейчас у него над головой, наблюдает за ним! Не поздоровилось бы ей, «мышке» этой!

А в лаборатории дела шли обычным порядком. Когда Данила Петрович принес ведро с шихтой и высыпал ее в корыто — тут Сеньке опять повезло: сегодня Шульц приготавливал смесь только для одного горшка, — немец, как всегда, выставил его за дверь.

— Форт! Форт! Раус! — скомандовал он Даниле Петровичу.

И Данила Петрович беспрекословно ему подчинился.

«Так! А теперь, брат Сенька, гляди в оба, не проморгай!» — говорит Сенька сам себе.

Шульц запер дверь лаборатории на ключ, подозрительно оглядел все углы лаборатории, заглянул даже под стол: не сидит ли этот сорванец и жулик Сенька опять там?

И Сенька, глядя сверху в щелочку, как внимательно обследует Шульц все закоулки в своей лаборатории, догадался, кого он там высматривает.

«Не там ты меня, немец, ищешь, я вот где нахожусь», — усмехнулся Сенька.

Убедившись, что в лаборатории, кроме него самого, никого нет, Шульц приступил к самому главному — начал растворять золото в царской водке.

И тут Сеньке снова повезло! Шульц сегодня растворял не золотой песок, а монеты, и все монеты были одинаковые: маленькие золотые кружочки — пятерки. Шульц бросал их не спеша, одну за другой, помешивал стеклянной палочкой в посудине, куда падали монетки, а Сенька смотрел и считал.

— Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять... Десять! Так, ровно десять на один стопудовый горшок, — шепчет Сенька тихонечко. — Это мы запомним!

Шульц, закончив размешивание, открыл дверь, позвал Данилу Петровича и приказал ему смешивать шихту с раствором. Но теперь уж Сеньке смотреть больше было нечего — это он видел и перевидал. Он тихонько пополз к выходу, к слуховому окну, и осторожно начал спускаться по пожарной лестнице с крыши.

Но тут его углядел один из гутенских мастеров.

— Эй ты, пострел! Ты чего это по крышам лазаешь, а? Шею сломать хочешь? — закричал на него мастер.

— Не бойся, не сломаю, у меня она крепкая, — отвечает Сенька мастеру.

— А чего ради тебя понесло туда? — любопытствует мастер.

— Да понимаешь ли, Генерал этот, леший, голубей тут все ловит и лопают их, холера. Ну так я его и турнул, — говорит Сенька.

— Самого бы тебя турнуть оттуда как следует, хворостиной хорошей, чтоб ты не лазал по крышам, как домовый.

Вот я ужотко скажу твоему отцу, чем ты занимаешься, пусть он тебя поучит уму-разуму, — пригрозил ему мастер.

— Да говори пожалуйста! — буркнул Сенька тихо, так, чтобы тот не услышал.

Сеньке сейчас нет смысла связываться с кем бы то ни было.

Спустившись с крыши, Сенька не пошел сразу к отцу, чтоб не попадаться на "глаза Шульцу, а направился сначала к ванной печи, к дружкам своим.

Ребята и девочки так и ахнули, когда Сенька появился возле них.

— Сень, леший ты этакий, да ты где ж это был? — закричали они.

— А что? — не понял Сенька и насторожился.

— А то, что ты весь в пыли и в паутине. Где это тебя носило?

— Да понимаете, ребята, за Генералом гонялся по чердаку над составной, — врет Сенька и друзьям. — Он голубей наших ловит и жрет. Я один раз угостил его каменюгою, а ему все нейдет. Ну, я его и гонял сейчас по чердаку.

— Так ему и надо! — кричат ребята. — Мы тоже видели не раз, как он подкрадывается к ним.

Сенька снял с себя пиджачишко и начал его чистить. Ему помогли ребята, девочки: самому бы ему не скоро справиться с делом таким. И только когда полностью привел себя в порядок, он пошел к своей горшковой печи.

Шульц подозрительно посмотрел на Сеньку, оглядел его с ног до головы и спрашивает:

— Болеит? Твой кранк?

— Да, болею, — ответил ему Сенька.

— Мой не жалеит твой. Твой лодырь, не хотейт арбайт, жулик твой. Мой не любийт твой!

— Да что мне жалость твоя? — огрызается Сенька. — Шубу из нее не сошьешь. И любовь мне твоя не нужна. А лодырем ты меня не обзывай, я сегодня поработал, да так, что тебе от моей работы не поздоровится, дай только срок.

Хорошо, что Шульц плохо по-русски понимал. А то бы он насторожился, начал бы допытываться, какую же это такую работу проделал Сенька, что ему, Шульцу, со временем не поздоровится от нее? Но Шульц не понял и половины Сенькиных слов и, что-то еще бормоча по-своему, направился к своему горшку посмотреть, как там идет варка.

— Ну как? — спрашивает Сеньку тятка, когда Шульц скрылся за печью.

— Все в порядке, тять! — ответил ему Сенька.

— Неужто узнал? — обрадовался Данила Петрович.

— Всё до точности!

— Ну слава те, господи, ну слава те! — закрестился Данила Петрович. — Спасибо тебе, сынок!

А Сенька стоял гордый как индюк. Он сейчас в важности своей стал похож на своего неприятеля, на Шульца, когда тот вот тоже так хорохорится, хвост распускает...

Глава шестнадцатая **Степан Иванович выручает Данилу Петровича**

Придя домой и поразмыслив хорошенько, Данила Петрович понял, что радоваться им с Сенькой пока рановато: впереди у них такие еще трудности, которые им, возможно, и не преодолеть.

Ну хорошо, секрет Шульца они вызнали. А дальше что? Идти к генералу, сказать, что они научились варить свой рубин, и для пробы просить золото? А выйдет ли из этого что у них? Не заперют ли они первый же горшок с этим золотом? Ведь Шульц не им чета, он на этом деле что называется зубы проел, а вот испортил же сразу два горшка. У них же это будет первая варка, а первый блин всегда комом выходит. Так что с радостью нужно пока повременить: надо сначала подумать, как получше к делу приступить.

И еще то надо иметь в виду — не ошибся ли в чем Сенька? Правда, он парнишка смекалистый, толковый, в счете он вряд ли ошибку допустил, хотя и это возможно. Но где уверенность в том, что Шульц опускал в царскую водку только одни пятерки. А если там и десятки были, тогда что? Сенька с потолка мог этого и не разглядеть: ведь десятка размером чуть побольше пятерки, а весит она в два раза больше. А Данила Петрович сам не первый год варит хрусталь и цветное стекло; он знает, что любой краситель нужно класть в шихту по норме, столько, сколько его требуется. Не доложил — плохо, а переложил — и того хуже. Говорят, что кашу маслом не испортишь. А это неверно. И кашу маслом испортить можно. Во всяком деле мера должна быть.

«Эх, горе наше горькое, что мы голы, как соколы, — думает Данила Петрович в тоске. — Была бы у нас с Сенькою своя хотя бы единая золотая пятерочка, тогда бы другое дело было. Мы бы с ним сделали потихоньку небольшую пробную варку, посмотрели бы, как оно и что. А потом бы, если все

хорошо получилось, можно и генералу докладывать. Не заводилось у нас таких денег в кармане. Я эти золотые раза два за всю жизнь свою только и видел, да и то в чужих руках».

Да, денег у крепостных его превосходительства не водилось, не только золотых, но и простых, медных. Рабочие Мальцева брали харчи на заборные книжки в магазинах генерала. Правда, выдавались им перед большими праздниками и деньги — медью и мальцевскими бумажными сертификатами, но они тут же и уплывали у них. Особенно быстро они исчезали у тех, кто в кабачок любил заглянуть. Данила Петрович был не из таких, он к водке не был привержен, а деньги не держались и у него. Все уходило на семью, да еще всегда с нехваткой жили. Семья-то у него огромная, восемь душ, а работают они только с Сенькой вдвоем. Деньги у них уходят почти на одну еду. Тут уж не разгуляешься, тут уж, как говорится, не до жиру, а быть бы живу.

Друг Данилы Петровича, Степан Иванович, тоже волновался за Данилу Петровича. Ведь и он мог быть в таком же положении, приди в голову Мальцеву поставить к немцу в помощники не Данилу Петровича с Сенькою, а его с Павлушкой. Да еще как знать, он, быть может, еще и надумает это, если у Данилы Петровича и Сеньки ничего не выйдет с золотым рубином. От Мальцева все можно ожидать. Так что заботы Данила Петровича и Сеньки касались и его, Степана Ивановича.

— Ну что, Петрович, не заметил еще, как немец волшит? — спросил Степан Иванович друга, когда встретил его в цеху на другой день. — Выглядишь ты сегодня что-то неважно, уж не заболел ли?

— Болеть я не болею, а только сегодня почти всю ночь не мог уснуть, — ответил ему Данила Петрович.

— Да, на твоём месте и мне бы не спалось, — говорит Степан Иванович. — Ума не приложу, как ты ключи подберешь к Жульцу своему?

— Ключи-то мы к нему, кажется, подобрали: мы теперь знаем, что и как, а все равно сделано только полдела.

Степан Иванович от удивления и радости даже со стульчака своего привскочил.

— Да ну-у-у! Неужто всё разузнали?

— Не я, а Сенька мой подглядел, как и что.

— Так чего ж ты тогда вздыхаешь? Теперь ваше дело в шляпе, начинай варить для генерала свой золотой рубин.

— «Начинай»!.. Это, брат, легко сказать — «начинай». А вдруг начнешь да не кончишь, заперешь горшок? А тогда тебя и самого заперют на конюшне.

Степан Иванович задумался.

— Да, и такое может получиться. Ведь и у Шульца неудача была, да еще сразу в двух горшках. Золотой рубин, видать, сродни нашему желто-канареечному, такой же капризный.

— Если еще не хуже, — говорит Данила Петрович.

— А в таком разе знаешь, что я бы тебе посоветовал?

— Что? — заинтересовался Данила Петрович.

— Не говори-ка ты пока никому об этом ни слова, — раздумчиво продолжает Степан Иванович, — а сделай-ка ты потихоньку варку-другую этого своего золотого рубина в небольших тигельках и посмотри, что у тебя получится. И если выйдет хороший рубин, тогда уж смело докладывай его превосходительству, что ты научился варить растреклятый этт рубин. Вот тебе мой совет!

— Спасибо, — горько усмехнулся Данила Петрович. — Я уж и сам это думал. А где мне золото взять, а? На две таких варки, как ты намечаешь, нужно самое малое рублей десять золотых, а у меня их и медных-то нет. У генерала просить, что ли?

— Нет, генералу ты пока об этом и не заикнись. Ты должен это делать втихую, потому что неизвестно, как у тебя получится. А две золотые пятерки дам тебе я, — говорит Степан Иванович.

Данила Петрович и рот разинул от удивления. Он подумал, что ослышался. Что Степан Иванович ему настоящий друг — это он давно чувствовал, но вот что у него есть деньги, да еще золотые, и что Степан Иванович может одолжить их ему, этого он никак не предполагал.

— Постой, постой... Это как же так? Откуда же у тебя деньги такие? — залепетал он.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — усмехнулся Степан Иванович. — Тебе дают деньги, которые тебе позарез нужны, ты и бери, и не рассуждай. Знаешь пословицу? «Дают — бери, а бьют — беги». Вот так-то!

Деньги были не у самого Степана Ивановича, а у его жены, всего пять пятерок. К жене же его они попали от ее тетки, которая еще при старом Мальцеве, отце теперешнего, при дворце в горничных состояла. Ну, а те, кто при дворце жил, могли такие деньжонки раздобыть. Тетка эта век свой кончала

при племяннице, вот эти-то пятерочки и остались жене Степана Ивановича по наследству. Берегли их как зеницу ока, берегли на всякий пожарный случай. Конечно, жене жалко будет расставаться с двумя пятерками, но Степан Иванович уговорит ее, докажет, что так надо для ихней же пользы. Но об этом зачем же распространяться, говорить хотя бы и другу?

— Да, но где же я потом возьму такие деньги, чтобы рассчитаться с тобою? — все еще колеблется Данила Петрович.

— А ты и не рассчитывайся, кто тебя просит о том? — отвечает ему Степан Иванович.

— Ну как же так? Я так не могу...

— А вот так. И больше давай не будем толковать пустое. Завтра я принесу тебе их, а ты начинай делать дело свое. Свое и мое. От меня-то ты не будешь прятаться, когда научишься варить золотой рубин, как немец от тебя прятался: надеюсь, поделишься секретом своим? — усмехается Степан Иванович.

— Да я тебе, если хочешь, сейчас все расскажу, что мы с Сенькою моим сами разузнали!

— Сейчас мне это ни к чему, а вот впоследствии, когда, возможно, генерал и мне прикажет варить этот рубин, тогда уж ты меня поучи.

На этом у них разговор и закончился. Степан Иванович со своим Павлушкой домой пошли, а Данила Петрович со своим Сенькою приступили к варке хрустала.

— Ну и дядя Степан! — говорит Сенька отцу, когда Степан Иванович и Павлушка скрылись за дверью.

Сенька хоть и стоял поодаль, разговаривал с Павлушкой, а все же прислушивался и к разговору взрослых, суть самую он схватил.

— Вот он какой, брат, Сенька, — говорит Данила Петрович. — Я знал, что он человек хороший, настоящий, но этого и я от него не ожидал. Я считал его, по правде говоря, немножко даже скуповатым. А он, поди ж ты, вон как! Недаром говорится в народе, что «не имей сто рублей, а имей сто друзей», тогда не пропадешь. Ты это себе на ус тоже намочи, Сень: имей хороших друзей, хоть одного хорошего друга, а имей.

— Тятка, но ведь и ты бы дяде Степану дал деньги, если бы они у тебя были, а ему бы они крепко запонадобились?

— Я? — притворно удивляется Данила Петрович. — Ну уж нет! Я бы ему ни копейки не дал.

Сенька удивленно посмотрел на отца. Он сначала подумал, что тот сказал правду. А когда углядел под усами отца усмешку лукавую, успокоился.

— Ну, теперь у нас дело пойдет, раз ты шутить и усмехаться стал, — сказал Сенька весело отцу.

Сенька давно уже заметил, что, когда отец в хорошем настроении, у него всегда дела идут хорошо. Так будет, наверное, и на этот раз.

Глава семнадцатая Победа!

Сенька думал, что как только дядя Степан принесет им две золотые пятерки, так они с тяткой и начнут варить свой рубин. А оказалось совсем не так.

Варить золотой рубин надо было тайком, чтобы, кроме них с тяткой да Степана Ивановича с Павлушкой, ни одна душа на фабрике не знала об этом. Но пришлось им открыться еще одному человеку — самому смотрителю! На их счастье, смотритель их смены был человек более-менее душевный. Он сам раньше был мастером на ванной печи и понимал, как трудно рабочему человеку на фабрике его превосходительства. Поэтому он и сделал все, что от него зависело, чтобы Данила Петрович мог начать свою пробную варку в подходящих условиях.

Прежде всего смотритель распорядился, чтобы Даниле Петровичу выдали такой тигель, какой ему требуется. Потом приказал дежурным каменщикам нагреть этот тигель до нужной температуры — ведь холодный его в раскаленную печь не поставишь, он сразу же треснет от жары, — выломать часть стенки в печи, чтоб тигель установить там. Ведь он хотя и небольшой по сравнению с обычным горшком, а в рабочее окно не пролезет. Установить в печи подставку, а на нее тигель, снова заделать отверстие можно было только по распоряжению смотрителя. Да и он в этом случае рисковал: о таком деле смотритель должен был бы доложить управляющему фабрикой, а не действовать самолично. Но смотритель рискнул, полагая, что управляющий вряд ли узнает об этом.

Но у Данилы Петровича и Сеньки еще одна забота оказалась: как добыть царскую водку, чтобы

растворить в ней золотую пятерку, первую из тех двух, что им дал Степан Иванович?

Да еще этот Шульц... С ним сейчас особая осторожка нужна. Он после того случая, когда два горшка заперол, почти и не отходит от печи, когда варит свой рубин, следит за своими горшками. Как же ты утаишься от него со своим тиглем? Он же обязательно углядит его и поинтересуется, что в нем варится. Глаз у него наметанный, сразу поймет, в чем дело, и поднимет крик.

«Нет, нам с Сенькою лучше бы всего произвести свою первую варку в такой день, когда Шульц не работает, когда мы одни тут», — думает Данила Петрович.

Но одно дело думать и желать, а другое — как все на деле сложится.

А на деле все сложилось так, что лучшего и не пожелаешь.

И царскую водку добыл для них Степан Иванович. Им и нужна-то была всего бутылка одна. У Степана Ивановича внучка работала в лаборатории — была у Мальцева и лаборатория, — она и принесла ему царскую водку.

И Шульцу в тот день, когда намечалась варка, — словно по заказу! — дали отгул; он не пришел в цех.

— Ну, Сень, давай, брат, приступать, — сказал Данила Петрович сыну, сильно волнуясь.

Никогда им не забыть этого дня. Даже Сенька, который раньше говорил, что все будет хорошо, сейчас волновался не меньше отца. До него тоже теперь дошло, что эта варка для них — дело не шуточное. Он приутих, перестал суетиться, старался помочь тятке чем только мог.

Они сами осмотрели песок для шихты, сами наблюдали, как золосеи составляли шихту, сами поливали ее раствором, тщательно, да не раз, а раза три перемешали шихту, прежде чем засыпать в тигель, сами и загрузили тигель.

И варка началась...

Данила Петрович и Сенька никогда еще не уделяли ни одному большому горшку столько внимания, как сегодня этому небольшому тиглю. Они то и дело подходили к рабочему окошку, заглядывали в него, стараясь понять, как идет варка.

— Как будто все нормально, тятя, — говорит Сенька отцу. — Как у Шульца.

— Да, будто пока все идет порядком. Но вот как стекло себя при отжиге покажет, станет ли краска набегать? — беспокоится Данила Петрович.

— Набежит! А почему бы ей не набегать, раз она у Шульца набегала? — загорячился опять Сенька.

— А вот ужотко увидим.

Но Данила Петрович волновался зря. В печи отжига рубин оказался рубином, окрашивание шло своим ходом. Тут только у Данилы Петровиной и гора упала с плеч, тут только озабоченность и страх покинули его и он впервые — за столько дней! — улыбнулся сыну.

— Вроде бы получился он у нас, Сень, а?

— Еще как получился! — радостно отвечает отцу Сенька. — Не хуже, чем у этого Жульца, даже лучше.

— Свое дите каждой матери лучше чужих-кажется, так и нам с тобою наш рубин лучше шульцевского глянется. А вот что скажет генерал...

— А что ему говорить-то? Видит — не слепой!

— Слепой не слепой, а главное слово его, — снова начал вздыхать Данила Петрович. — А теперь давай с тобою решать, как нам дальше быть. Вторую варку будем делать для большей уверенности или одной этой ограничимся? Скажем смотрителю, чтоб генералу докладывали?

— А зачем вторую пятерку дяди Степана зря губить? Хватит и одной. А вторую верни ему обратно. И пусть там докладывают кому нужно, что мы сварили свой золотой рубин.

— А вдруг прикажет нам генерал варить рубин в нормальных горшках, а мы их и заперем?

— Ну тогда молчи и никому слова не говори, а готовь шкуру на барабан, — отвечает Сенька отцу.

— Ну инда быть по-твоему, — сказал он Сеньке. Степан же Иванович был другого мнения: он советовал сделать еще одну пробную варку.

— Для большей уверенности, — сказал он Даниле Петровичу.

— Да ведь толк-то какой? — встрял в их разговор Сенька. — Ну, скажем, сделаем мы еще одну варку, загубим и вторую пятерку твою, сварим опять нормальный рубин, а дальше что? Докладывать-то генералу, что мы научились варить рубин, надо? Надо. И нам прикажут варить его в больших горшках. И вдруг у нас потом дело не выгорит, заперем мы горшки свои? Ведь все равно нам отвечать.

— Это тоже правильно, — согласился с Сенькой и Степан Иванович. — Тогда что ж? Тогда докладывайте — и с богом, начинайте работать, варить этот растреклятый свой рубин золотой. А

пятерка эта теперь не моя, а ваша, я ее обратно У вас не возьму.

— То есть это как же так, а? — всполошился Данила Петрович. — Почему же это она наша стала и почему ты не желаешь ее обратно взять?

— А потому, что я тебе ее дал как другу, она тебе еще, быть может, когда пригодится. А мне она не нужна. У моей старухи еще три таких есть, пусть и у твоей будет хоть одна. И больше давай не будем говорить о том, если хочешь другом моим быть, — сказал Степан Иванович.

— Ну и дядя Степан, ну и человечина же он! — говорит опять Сенька отцу, когда они домой шли. — На свете, наверно, и нет таких, как он.

— Есть, Сеня, но не так густо. И вот я тебе больше всего желаю в жизни, чтоб и у тебя были такие друзья, каким для меня Степан является, — отвечает сыну Данила Петрович на такие его слова.

—

Глава восемнадцатая Генерал Мальцев «награждает» своих стекловаров

Мальцев очень удивился, когда ему доложили, что стекловар на второй горшковой печи Данила Петрович Грачев сварил золотой рубин. Удивился он не тому, что Данила Петрович вызнал секрет золотого рубина, а тому, где же он золота для первой варки взял? Мальцев приказал доставить к нему во дворец Грача этого. И часу не прошло, как Данила Петрович вместе с Сенькою уже были перед грозными очами повелителя своего.

— Ну, Грач, как дела? Слышал я, что ты уже сварил там что-то? Перехитрил немца моего, да? Вызнал-таки все секреты его, узнал, как надо варить золотой рубин? Ну, в таком разе я поздравляю тебя, молодца, брат! — говорит Мальцев весело Даниле Петровичу. — И за это вот тебе награда от меня, рублик серебряный. Знай, что я не каждого им одариваю, а только тех, кто заслужил.

И Мальцев подал Даниле Петровичу серебряный рубль.

— Вызнал-то не я, ваше превосходительство, а вот он, сынишка мой. Одному бы мне вовек не узнать, он вот изловчился, — говорит Данила Петрович.

— Он? — удивленно поднял брови генерал. — Этот оголец? Ну что ж, тогда и он молодца, тогда и его надо одарить.

И Мальцев подает второй серебряный рубль Сеньке. Как хотелось Сеньке бросить этот рубль Мальцеву прямо в рысью морду его! Ведь он никогда не забудет и не простит генералу той порки! Но Сенька хорошо понимал, что этого делать никак нельзя. Сделать так — это значит сразу же направляйся на конюшню опять и ложись там на лавку. Да и тятюку, конечно, с ним отправят: дескать, это он так воспитал сына своего, он и есть главный виновник. И Сенька только злобно сверкнул на генерала глазенками. Мальцев, к счастью, не заметил его взгляда, а то бы тотчас поспрошал его, что такой взгляд означает.

— А теперь вот что скажи-ка ты мне, братец ты мой, — снова обращается Мальцев к Даниле Петровичу. — Где ты взял золото для первой варки и почему ты сразу ко мне с этим делом не обратился? Значит, у тебя самого такие деньжонки водятся?

— Никак нет, ваше превосходительство, — отвечает на этот вопрос генералу Данила Петрович. — Таких денег у меня сроду не водилось. К вам же я потому не обратился, что боялся. А вдруг у меня ничего бы не получилось и я ваше золото зря бы только израсходовал? Ведь даже у немца, как вам известно, один раз брак получился, да еще в двух горшках сразу. А ведь он не мне чета.

— Так где же ты их взял, золотые-то эти, что в тигель свой пустил? — допытывается Мальцев.

Даниле Петровичу и не хотелось, ох как не хотелось рассказывать генералу, кто его выручил. Он боялся, как бы не подвести Степана Ивановича. А что будешь делать, когда генерал пристаёт, словно с ножом к горлу?

— Друг меня выручил один, дал мне две пятерочки, — говорит он Мальцеву.

— Друг? — поднял опять удивленно брови генерал. — Кто ж это такой у тебя друг, что мог пожертвовать тебе деньги такие?

«Делать нечего, придется, видно, говорить все, иначе он от меня не отстанет, — подумал Данила Петрович. — Будь что будет, а надо говорить».

— Степан Иванович мне одолжил, ваше превосходительство, — отвечает он Мальцеву.

— Понизов? — снова удивляется Мальцев.

— Так точно, он самый, ваше превосходительство.

— Гм! Вот уж не ожидал, что у меня и стекловары наживаются. Что главные мои служащие на

руку охулки не кладут, это мне давно известно, а вот чтобы и мелкая сошка вроде вас про запас деньжонки откладывала — этого я не предполагал, — говорит Мальцев. — Ну что ж, это и хорошо, я против этого ничего не имею. Сам живу и другим жить даю. И сколько же он тебе одолжил?

— Две пятерочки, десять рублей.

— И ты что ж, в один тигель обе пятерки и убухал? — продолжает допрос генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство. В тигель я опустил только одну пятерку. А другую я берег для другого разу, если бы с первой варкой у нас с Сенькою незадача получилась.

— Та-а-ак! — многозначительно протянул Мальцев. — Значит, на один тигель в десять пудов шихты ты израсходовал золота только на пятерку одну, говоришь?

— Так точно, ваше превосходительство, — отвечает Данила Петрович, не понимая еще, к чему клонит генерал.

— А на стопудовый горшок, значит, надо полсотни рублей золотых?

— Так точно, такая норма, выходит. Сенька мой, когда подглядывал, сколько Шульц в тот раз бросал, насчитал десять пятерок на одну варку. А он, Шульц-то, в тот день как раз в одном горшке варил свой рубин. Ну, а я уж, соответственно, на тигель одну пятерку положил, так как шихты в него я засыпал в десять раз меньше, чем Шульц в свой горшок.

— Да разбойная же твоя душа! Да грабитель же ты этакий! Да я ж тебя, такой ты и разэтакий, сегодня же выгоню из Дяткова своего! — заорал Мальцев. — Ах, живодер же ты этакий! Я знал, что ты будешь облапошивать меня, но чтоб на такие куши, этого я не предполагал.

У Данилы Петровича с Сенькой и душа в пятки пошла: они подумали, что генерал на них орет.

— Ваше превосходительство, да ведь, значит же, норма такая, меньше, видимо, и нельзя, — залепетал в страхе Данила Петрович. — Шульц точно такую же норму кладет.

— Вот я ему и покажу эту «норму», Шульцу твоему, подлецу! Ты знаешь, на сколько он меня облапошивал на каждом горшке, а? Ровно наполовину! Он на каждый горшок требовал золота на сто рублей, а, выходит, клал его в шихту наполовину меньше, другую половину себе в карман опускал. Жирный кусок прикарманывал он каждый раз, да еще я ему сто рублей в месяц плачу. Ну уж больше он у меня этим не попользуется, с сегодняшнего же дня я ему отставку учиню, сегодня же прикажу рассчитать ворюгу. А рубин будешь варить теперь ты со своим мальцом.

Данила Петрович сначала было обрадовался, что генерал не на них, оказывается, орал, а потом снова испугался, когда услышал, что Шульца Мальцев собирается увольнять, а им теперь одним надо варить золотой рубин.

— Ваше превосходительство, а может, вы повремените с делом этим, а? — сам не зная, как он решился на смелость такую, говорит он Мальцеву.

— Это почему же я должен временить, цацкаться с жуликом таким? — спрашивает Мальцев.

— Да ведь еще неизвестно, как у нас с Сенькою дальше с рубином получаться будет. Вдруг затор получится?

— Ах, ты вот чего опасешься! Ну так я этого не боюсь. Я уверен в тебе. Если у тебя первая проба получилась качественная, то последующие варки будут еще лучше. Я тебя как стеклоара знаю хорошо, лучше, чем ты сам себя знаешь. С богом! Шагайте домой, а я сейчас этим Жульцем

Данила Петрович и Сенька вышли из дворца — и поскорее домой. Хоть сегодня во дворце с ними и ничего худого не случилось, а все же лучше подальше от него, спокойней как-то на душе становится, когда находишься вдали от него.

А Мальцев, как только они ушли, хотел сейчас же послать рассыльного за Жульцем. Но потом одумался.

«Нет, пожалуй, сейчас рановато это делать, горячусь я зря. Грач-то, пожалуй, прав. Надо действительно посмотреть, как дальше у него дело с рубином будет обстоять. А Жульца я всегда успею выгнать. Наоборот, надо приказать управляющему фабрикой, чтоб Жульцу дали отгул денька на три еще, чтоб в фабрику его не вызывали, дабы он не узнал, что там делает мой Грач, не мешал ему, переполоха пока не поднимал. Вот что надо сделать мне сейчас», — решил генерал.

А Данила Петрович и Сенька в это время уже подходили к дому и вели меж собою вот какой разговор.

— Тять, дай я закину этот рубль вон в ту лужу, — говорит Сенька отцу.

Данила Петрович хорошо знал своего сынишку: он понимал, что творится сейчас в душе Сеньки. Молодо — зелено, горяч он еще, как все молодые.

— Ну и что ты этим докажешь и кому? — отвечает он Сеньке.

— А то, что не хочу я его подачки этой, вот что! — говорит Сенька.

— А Мальцеву от того ни жарко, ни холодно. Он даже и не узнает, как ты с рублем его поступил. Нет, брат Сеня, этим ты ничего и никому не докажешь. Наоборот, мы эти рублики должны сохранить, чтоб потомкам своим показать, как нас «награждали» за наш каторжный труд властители наши, как нам жилось в тяжкие крепостные времена.

— А вот ту «награду», которую он приказал дать нам на конюшне своей, ты тоже сохранишь?

— Сохранится и она в памяти людей. Ведь такое творится на всей матушке-Руси сейчас. И позор падет не на одного только Мальцева. Ведь он не один такой зверь-самодур.

— «Позор, позор»! Что толку, что потом их этим позором твоим заклеят? Мне бы сейчас с ним рассчитаться за все, что он утворил над нами, — горячится Сенька.

— Мало бы что тебе хотелось, да время еще для такого расчета не пришло.

— Да когда же оно придет, время-то это?

— Придет, всему свой срок, а дело к тому движется, — говорит Данила Петрович сыну.

— «Придет, придет»! Ты мне уже не раз такое говорил, а его, времени-то этого, все нет да нет.

— Нет, но будет, вот увидишь сам, — уверяет снова сына Данила Петрович.

А Сенька на эти отцовы слова только рукой машет. Хотя он и верит отцу, что время такое придет, но почему его нет вот теперь, сейчас?

Глава девятнадцатая Генрих Иоганн Шульц получает отставку

На другой день Даниле Петровичу и Сеньке был дан наряд варить золотой рубин в больших горшках, сразу в двух. И опять Данила Петрович волновался, да и Сенька тоже, как бы не запороть какой горшок.

И какая же была у них радость, когда в обоих горшках рубин получился качественный — лучше и не пожелаешь!

— Сеня, кажись, мы с тобою и в самом деле научились варить золотой рубин, а? Ты как думаешь? — говорит сыну Данила Петрович.

— Ну конечно же, — с гордостью отвечает ему Сенька, забыв все свои огорчения и злобу на генерала.

Мастер, настоящий мастер всегда забывает все огорчения, когда ему удается сделать то, что нужно. А что Сенька будет настоящим мастером-стекловаром, в этом даже сам Данила Петрович, человек осмотрительный и робкий в суждениях, не сомневался.

На третий день им был дан наряд варить золотой рубин в четырех горшках. И бывает же так, что и на этот раз опять все получилось хорошо, во всех четырех замечательный рубин!

А в это время Генрих Иоганн Шульц спокойно прогуливался по улицам Дятькова, по аллеям генеральского парка и не чуял, что над его головой собирается гроза.

Шульц, правда, сначала удивился, почему после двух дней отгула ему снова предлагают три свободных дня. И огорчился: ведь за эти три дня он теряет золота не мало, на каждой варке он наживается порядком. Но что поделаешь, в чужой монастырь со своим уставом не полезешь. Значит, его превосходительству так нужно, значит, заказы на изделия из золотого рубина не так велики пока. Шульц по опыту знает, что такие сорта стекла, как золотой рубин, желто-канареечный, урановый и даже свинцовый хрусталь, изготавливаются только тогда, когда на них заказы есть. И он успокоился, продолжал гулять, не чуя беды.

Шульц любовался русской весной. Такой весны он еще в жизни не видывал. У него на родине, в Богемии, вёсны бывают спокойные, приходят и уходят они всегда медлительно и как-то незаметно. Тут же, в России, происходит что-то невообразимое, тут всё кипит и гремит. Снег на крышах давно уже растаял, словно на сковородке, сейчас он тает на улицах, во дворах, в оврагах. Везде бегут ручьи, а в низинах бушуют настоящие потоки.

В лесу же снегу еще много, там он еще по-настоящему не трогался, только осел и стал крупитчатым.

Но зато сколько в лесу птицы разной, какой здесь гомон, особенно по утрам и вечерними зорями! Не знаешь, какую и слушать. На самых высоких елях, на верхушках, тюрлили тюрю дрозды-рябинники, стонали грустно витютни. В чащобах рассыпали серебристые трели зяблики, вели нежную переключку рябчики. А на опушках бормотали косачи, словно попы обедню служили. И кукушка уже прилетела, кукует то там, то тут. Но всех повершали черные певчие дрозды, пока не прилетели соловьи — они

первые певуны в лесу.

А над селом, над полями и огородами звенят жаворонки.

— Да, да, русская весна гут, хорошая весна, — бормочет довольный Шульц. — Если генерал будет мне говорить, чтоб я остался тут, я останусь.

В хорошем настроении вернулся Шульц домой.

— За вами уже раза два прибежал рассыльный, говорил, чтобы вы, как только появитесь, сразу же шли в контору к его превосходительству, — доложила ему хозяйка дома.

— Вас ист дас? — удивился Шульц. — Зачем я требуется генераль?

— Этого рассыльный не сказывал, а только сказал, что его превосходительство вас давно уже поджидает, — отвечает ему Пелагея Семеновна.

— Ну что ж, гут, мой направляйт туда, — пробурчал Шульц.

Генерал сидел в своем кабинете, с ним были управляющий заводами, бухгалтер и юрисконсульт. На письменном столе генерала стояли две кучки изделий из золотого рубина, несколько поодаль одна от другой. И в каждой одинаковое: графин, креманка, две рюмки, ваза и две лампадки.

Мальцев приказал впустить к себе Шульца тотчас же, как только ему доложили о его приходе.

— А-а, Гендрик Иванович! Здорово, брат, здорово, — говорит Мальцев Шульцу, лишь тот порог переступил. — Проходи, проходи, не стесняйся. Садись вот сюда, к столу поближе. А ты что ж это, такой-рассякой, сразу не явился, когда за тобой послали первый раз, а?

— Мой не знайт, что вы будете сегодня звайт меня в свой кабинет. Мой гуляйт в лес, — отвечает Шульц генералу.

— Ах, ты гулял! По лесочку прогуливался? Дело, дело, брат, прогулка здоровью не во вред. Раз у тебя свободное время было, отчего ж и не прогуляться. Особенно вот в такие денечки весенние. Я и сам иногда прогулки совершаю, когда делать мне нечего. Правда, такое со мною редко случается, всё дела, брат, дела да делишки. Иной раз и дня мало, чтоб с ними управиться. Ну, а теперь скажи-ка ты мне вот что... Как ты думаешь, зачем я тебя вызвал, для чего ты мне запонадобился, а? — спрашивает Мальцев у Шульца, а сам хитро прищурился и усмехается чему-то, каким-то мыслям своим.

— Мой не могийт знать, — говорит Шульц в ответ генералу, но насторожился — усмешка генерала ему почему-то не понравилась.

— Ну, раз ты не догадываешься, я тебе сейчас поясню. Посмотри-ка, пожалуйста, на эти вот две кучки посуды. Сначала на одну, потом на другую. Внимательно смотри, не торопись. И скажи-ка ты нам: что это такое? — предлагает Мальцев Шульцу.

— Как «что»? Это изделий из золотой рубин, который вариль я, Генрих Иоганн Шульц, — отвечает Шульц, все еще не понимая, куда клонит генерал.

— Обе кучки из рубина твоей варки? — спрашивает Мальцев.

— Да, — уверенно отвечает Шульц.

— А вот и нет! Тут ты, брат, ошибаешься, да еще как ошибаешься-то! Одна кучка, верно, твоей варки. А вот другая уж моя, варки моих мастеров. И вот я предлагаю тебе: узнай-ка, какая — твоей работы, а какая — моих стекловаров? Ну-ка, прикинь глазом своим, угадай, если ты стекловар настоящий.

— А кто вариль другой рубин? — спрашивает Шульц у генерала.

— Я потом тебе это скажу, если ты сам не догадаешься, а сейчас попытайся узнать свою работу!

— Данииль вариль? — снова любопытствует Шульц.

— Ну хотя бы и он, тебе-то какая разница оттого, он или не он?

— Только он мог варийт. Он мне помогаль, он вызнал мой секрет золотой рубин! Он жулик, мой будейт протест делать!

— А это сколько твоей душеньке угодно. А сейчас я тебя прошу узнать свою работу. Не узнаешь — грош тебе цена как мастеру!

— Мой всегда узнавайт работа своя, — рассердился Шульц и начал рассматривать посуду, стоявшую на столе, сначала одну кучку, потом другую. — Вот рубин моя варка! — говорит он Мальцеву, показывая на одну из кучек, которая показалась ему более чистого колера. И как же тут загоготал Мальцев!

— О-о-о-га-га-га! О-хо-хо-хо! — покатывается он. — Ну, брат, угадал, прямо пальцем в небо попал! Ну и распотешил ты меня, ну и уважил ты меня! А рубин-то этот как раз и не твоей варки, а варки моих стекловаров, твоих бывших помощников, Данилы Грача и его пацана, Сеньки. Да, да, брат Жульц, это их варки рубин. Вишь, как ты их научил этому делу, что их работа более тебе приглянулась,

чем твоя собственная.

— Герр генераль, мой не учийт твой стекловар вариит золотой рубин. Твой Данииль жулик, он вороваль мой рецепт! Мой заявляйт вам протест!

— Да заявляй хоть два, мне оттого ни жарко, ни холодно, — говорит Мальцев Шульцу. — И на Данилу ты зря клепаешь, он тут ни при чем. Подглядел-то за тобою, сколько золота ты кладешь в горшок на одну варку, не он, а сынишка его, Сенька: он обошел тебя как миленького, так что ты его благодари.

— Мой будет убивайт его! — кричит Шульц.

— А вот это и совсем пустые слова, на ветер ты их сказал, — успокаивает его Мальцев. — Никого ты тут пальцем у меня не тронешь, а если попытаешься, тебе же самому хуже будет, своими боками попладишься. Давай-ка, брат, бросим пустое говорить, а потолкуем о дельном, зачем я тебя и позвал. Ведь что у нас с тобою получается? Постольку поскольку теперь уж мои собственные стекловары умеют варить рубин, то, ты сам понимаешь, держать мне тебя на фабрике нет никакого смысла. И я прикажу завтра же дать тебе расчет. Ты завтра же можешь и восвоеси в фатерланд свой отправляться. К празднику как раз и дома будешь, встретишь его в семье родной. Как ты сам на это смотришь, Гендрик?

Час от часу не легче! Шульц таращит глаза. Как же так? Его, Генриха Иоганна Шульца, выгоняют как паршивую собачонку раньше срока! Но у него же с генералом заключен контракт на полный год, и там сказано, что в случае чего генерал должен уплатить ему неустойку, выдать ему жалованье за весь год. Так пусть ему и заплатят эти деньги, иначе он отсюда не уедет, он будет судиться с ним, с этим Мальцевым.

— Герр генераль, ви платийт мне деньги за полный год, в контракт так написан, — говорит Шульц Мальцеву.

— Правильно, в моем контракте с тобою такой пункт есть, — соглашается Мальцев. — И я бы тебе уплатил эти деньги, денег у меня много, мне их не жалко. Только вот дело-то в чем, Гендрик Иванович, да еще и Жульц. Скажи-ка, брат, по совести, положи руку на сердце, на сколько сотен ты меня объегорил, сколько ты прикарманил из тех золотых, что тебе выдавали на варку золотого рубина? Поди, за тыщонку перевалило? Ведь ты ровно половину из того, что получал из кассы, в карман клал. Так вот мы с тобой давай так и сделаем: ты мне возвращаешь то, что украл у меня, — это подсчитать не трудно, там, в ведомости-то, всё записано и твои росписи есть, — а я прикажу выдать тебе то, что полагается по контракту нашему с тобой. Согласен?

— Нет! Мой будет с вами судийт, подавайт суд, — говорит Шульц.

— В суд? — Мальцев снова захохотал. — Да голова ж твоя садовая, ты сначала подумал бы, а потом говорил. У нас есть пословица одна: «С сильным не борись, а с богатым не судись». Вот и учти это. Я и сильный, и богаче тебя. Судьи наши у меня все в кармане сидят. Да ведь и закон-то на моей стороне. Ты ж обворовывал меня на каждом горшке. И если ты подашь на меня в суд, то не будь я Мальцев, если не упеку тебя в тюрьгу за мошенничество. Я сам и на суде-то не буду, у меня для этого адвокаты есть, а они суду предъявят ведомости с твоими росписями, заключение комиссии о том, сколько на самом деле нужно класть золота в каждый горшок, чтоб сварить этот рубин. Ведь теперь всё известно, никакого секрета уж нет — Сенька разгадал его. Так что решай, Гендрик, сам, как тебе поступить повыгодней для себя. Тогда уж пеняй, брат, на себя, когда в каземате очутишься. А что тебе тогда не миновать его, каземата-то тюряжного, в атом можешь не сомневаться. Всё! Ауфвидерзепн! Будь здоров, милый человек!

Шульц и не помнил, как он вышел из кабинета генерала, как очутился на улице. Что генерал прав, обещая ему тюрьму, — это Шульц понял. В суд он подавать не будет. Конечно, не будь у него у самого рыльце в пуху, он бы подал, а вот в том-то и дело все, что генерал прав: он легко докажет, что Шульц деньжонки у него прикарманивал. А это же, конечно, воровство, иначе как же это назовешь? А за воровство известно что по закону полагается.

Единственный и самый правильный выход для него сейчас — это подчиниться воле генерала, собрать свои вещички и уехать отсюда поскорей в свою Богемию, что он и сделает завтра же, как только ему дадут в конторе фабрики расчет.

Шульц уже хотел было пойти к Шварцу, на квартиру свою, и начать там заблаговременно укладывать чемоданы. Но вдруг он вспомнил про главного своего врага, виновника всей беды, Сеньку, и почти бегом побежал к проходной фабрики в гутенский цех в надежде застать там Сеньку и надрать ему напоследок уши. А если это и не удастся ему, то хоть изругать его вдосталь, сказать ему, что он самый скверный, самый вредный мальчишка из всех, каких он только встречал в своей жизни. Ведь не

будь его, паршивца этого, совсем, ну совсем бы все по-другому было у него, Генриха Иоганна Шульца, совсем бы иначе шли его дела в этом проклятом Дятькове.

Сенька и Данила Петрович и даже Степан Иванович с Павлушкой находились возле своих горшковых печей. Время как раз было такое, когда Степан Иванович только что закончил с Павлушкой варку на своей печи, а Данила Петрович и Сенька пришли начинать варку на своей.

Шульц как буря кинулся было к Сеньке. Он бы, пожалуй, и сцапал его опять за уши, не прегради ему путь Данила Петрович и Степан Иванович.

— Полегче, полегче, — говорит ему Степан Иванович. — Ты что, аль взбесился? Чего к мальчонку пристаешь? Что он сделал тебе?

— Он погубил мой карьер! Он украсть мой секрет! Он маленький русский свинья и большой жулик. Мой желайт его убивайт! — орет Шульц, порываясь к Сеньке.

— Ну, это ты оставь, — вразумительно говорит ему Степан Иванович. — Ты тут теперь никто, они теперь не подвластны тебе. Они уже не помощники твои, а сами по себе, а ты сам по себе. Так что лучше успокойся.

— Мой не желайт успокойся, мой будет убивайт этот маленький русский свинья и большой жулик, — продолжал Шульц.

— Сам ты свинья, и не маленькая, а большая. А уж жулик такой, каких и свет не видел. Мы-то с тяткой золото у генерала не воруюем, а ты вот крал, каждый раз прикарманивал половину того, что тебе давали, — отвечает Сенька Шульцу на его ругань, для осторожки все же отскочив подальше от него. А то как схватит — дожидайся потом, пока тебя выручит тятка или дядя Степан.

Шульц долго еще разорялся в гуте, ругался и на Данилу Петровича, и даже на Степана Ивановича, говорил, что они тоже жулики. И не только они, а и все тут нехорошие люди, плохой народ, все плуты и жулики. Он больше не будет тут жить и работать, его нога больше не будет в этом распроклятом Русланд. Тут только Данила Петрович и Степан Иванович поняли, в чем дело.

— А-а-а! Так, значит, генерал тебе отставку дал, выгнал тебя, не нужен ты больше ему? — говорит Степан Иванович. — Ну что ж, тогда будь здоров, браток, скатертью дорожка!

— Я сам не желайт быть тут, поняль? — хорохорится Шульц перед Степаном Ивановичем и Данилой Петровичем. — Мой свободный человек, а вы крепостной раб, вот кто вы!

— Ладно, ты нас этим не кори. Будем и мы свободные, дай срок, будет и на нашей улице праздник.

Шульц, накричавшись в досталь, так же вихрем, как и появился, вылетел из гуты. И побежал уж теперь без всякой задержки домой, на квартиру, — ему надо было собираться в дорогу. А укладываться надо исподволь, не торопясь, как это принято у них там, на родине. Немцы любят делать всё обстоятельно, с толком да расстановкой...

На другой день Генрих Иоганн Шульц уехал из Дятькова. Только теперь он ехал не на тройке лихих коней, не в карете генеральской и рядом с его превосходительством, а в поезде пассажирском. У Мальцева по его узкоколейке ходили теперь и пассажирские поезда, от Брянска до Песочни, два раза в сутки, туда и обратно. Шульц ехал в поезде на Брянск.

Но, бог ты мой, что же это был за поезд! Вагончики махонькие, Шульц со своими чемоданами еле протиснулся в двери одного из них, а самое главное, он, поезд-то этот, не идет, а тащится, ползет как черепаха. А на станциях и разъездах стоит-стоит по часу, а то и больше, просто сил никаких нет. От Дятькова до Брянска, вернее, не до Брянска самого, а до Радицы паровозной, где у генерала завод вагоностроительный и паровозный, нет и пятидесяти верст, а поезд шел больше шести часов!

Шульц всю дорогу ворчал и ругался, ворчал на всё и вся, на Русланд, на Мальцева, а больше всего на Сеньку.

Глава двадцатая **Пир во дворце**

Пасха самый главный праздник был в те времена на всей Руси. Три дня не работали заводы и фабрики его превосходительства, всем давался отгул. Три дня попы пели молебны по соборам и церквам, ходили с иконами по домам. Пасхальные праздники самые доходные для них, попов и дяков: за пасхальную неделю они зарабатывали столько, сколько в иной год не задьячишь. Целую неделю на колокольнях звонили вовсю и как попало колокола. В эти дни мог всякий, у кого только охота к тому была, забраться на колокольню и звонить сколько его душеньке завзгодно. И конечно, больше всего любили трезвонить ребятишки-сорванцы.

Сколько в эти дни было пито-едено! Его превосходительство не скупился на праздничные расходы, приказывал, чтобы у всех его крепостных, особенно у рабочих фабрик и заводов, на пасху было что выпить и чем закусить. В этом у него тоже свой расчет был. Он полагал, что можно как хочешь удлинить рабочий день у крепостного человека, но на праздники, особенно вот на такой, как этот велик день, дай ему погулять: он за это у тебя в долгу не останется.

И драк на пасхальной неделе бывало больше, чем в другие праздники. Иной так напьется, так окосеет, что не знает, что и творит. И этому генерал не препятствовал.

— Пусть порезвятся молодцы, русский человек любит силу кулака своего на другом испробовать, — говорил он.

Иногда такие поединки смертью оканчивались, но что для генерала за беда из того?

Во дворце его превосходительства пасхальные дни проходили особенно пышно.

Пасху генерал очень любил, любил больше всех праздников. В эти дни он выполнял все ритуалы, предусмотренные церковными правилами и народными обычаями. В четверг на страстной, предыдущей пере^ пасхальной, неделе он в бане мылся. Четверг этот «чистым» назывался, и считалось, что кто в этот день в бане помоеся, тот весь год чистым будет. В «великую» пятницу на этой же неделе он постился, каялся духовнику, соборному протоиерею, в грехах своих. В «великую» субботу причащался в соборе, «вкушал святых даров» — тела и крови Христовой, в которую превращались, как полагали верующие, крошки просфиры и красное церковное вино. Генерал, если и был неверующим, жил басурман басурманом, вид всегда делал самый богобоязненный, особенно вот в такие дни. Иначе как же ты будешь держать народ в узде, если он страх божий потеряет, поймет, что никаких богов на свете нет?

Пасхальную службу Мальцев слушал в трех своих церквях: сначала в Любохне, потом в Людинове, ну, а уж достаивал ее в главной вотчине своей, в дятьковском соборе. Летал он в пасхальную ночь на тройках лихих как угорелый. Часто загонял лошадей. Начиналась распутица: на санях не проедешь, а на колесах еще хуже. И все же генерал поспевал к пасхальной службе всюду.

После службы в соборе Мальцев возвращался домой, разговлялся, вкушал освященные крашеные яички, кулич и творожную пасху, окорок и жареную телятину и отходил ко сну. А когда он просыпался и отобедывал, к нему шли христосоваться высшие служащие, челядь. Нет, его превосходительство не лобызался с ними троекратно, как полагалось по обычаю. Он только брал подносимые ему крашеные пасхальные яйца, целовал каждое, а подносителя одаривал серебряным рублем.

На второй день пасхи во дворец являлся весь причт дятьковского собора служить торжественный пасхальный молебен. Генерал подпевал хору певчих, был особо важен и торжествен. На молебне присутствовала вся его служилая знать. По окончании молебна во дворце для нее давался праздничный пасхальный обед, на который приглашались и соборные два попа и дьякон. Псаломщики же и певчие обедали в другом зале, вместе с дворцовой челядью.

Так было и нынче, в этот второй день пасхальной недели.

Но сегодня на роскошном праздничном столе генерала из всех хрустальных сервизов преобладал и господствовал золотой рубин его превосходительства. Бокалы и графины из него, вазы и фужеры, рюмки и стопки, нежно-розового и цвета голубиной крови, были главным украшением стола.

Пир шел своим чередом. Первые рюмки, как и положено у генерала, были наполнены его любимым церковным вином. И первый тост, конечно, произнес сам хозяин.

Тост генеральский, как и всегда, был краткий: Мальцев не любил многоречивых тостов.

— Ну-с, господа, ну-с, друзи мои! — сказал генерал. — С праздником вас всех поздравляю, с великим Христовым воскресением! Христос воскрес, господа!

— Воистину воскрес! — отвечали ему нестройным хором присутствующие за столом.

Дворцовый певческий хор, разместившийся на хорах, гаркнул дружно и ладно пасхальный гимн. Потом все приступили к питию и закуске. На столе генерала было всего вдосталь и на всякий вкус. Лакеи во фраках и белоснежных манишках, при галстуках бабочкой неслышно, словно духи бестелесные, сновали вокруг стола, сменяли кушанья и приносили новые графины с водкой и разными винами, наливали бокалы гостям. И тосты произносились всё больше за здоровье генерала. Все курили фимиам своему повелителю, генералу, называли его благодетелем и кормильцем своим.

А еще бы им, приглашенным за этот стол, не курить ему фимиама! Уж кому-кому, а им-то он действительно благодетель и кормилец, им-то под его рукой не кисло живется.

Мальцеву наконец надоели славословия, он махнул рукой, чтобы прекратить все это.

— Хватит, господа, хорошего понемножку, — говорит он. — Я знаю, вы меня все любите, спасибо.

